

службу, давая вдвое большее жалование, или же на крѣпостные работы, платя по 15 коп. въ день. Побѣги не прекращались, не смотря на то, что пойманныхъ наказывали по всей строгости законовъ и платили пойманнemu по 6 р. за человѣка. Чтобы-же заставить ротныхъ и эскадронныхъ командиновъ лучше стеречь своихъ подчиненныхъ, эти деньги платили изъ ихъ жалованія, которое, и безъ того небольшое, въ некоторыхъ частяхъ цѣлкомъ уходило на то.

Изъ Галиціи полкъ пришелъ въ Волынскую губ. въ м. Колки, Луцкаго повѣта; эскадронъ Адамова и запасный поллюэскадронъ (скоро упраздненный) по прежнему оставались въ Кобринѣ, въ составѣ резервнаго корпуса¹⁾.

Въ 1810 году шефомъ полка былъ назначенъ извѣстный уже своими военными способностями Дмитрій Михайловичъ Юзефовичъ, подъ командою которого Харьковскій полкъ такъ часто одерживалъ верхъ надъ французами. Юзефовичъ началъ службу съ 1788 года въ гвардіи въ Преображенскомъ полку, откуда былъ переведенъ капитаномъ «къ статскимъ дѣламъ» и назначенъ въ штабъ Г.-Ан. Бронницкаго, а по его упраздненіи попалъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, а съ 1800 года—въ Харьковскій подполковникомъ, где блестяще доказалъ свою способность не къ «статскимъ дѣламъ», заслуживъ золотое оружіе и орденъ Св. Георгія. Женатъ онъ былъ на дочери извѣстнаго Г.-Ан. фонъ-Дерфельдена. Юзефовичъ, не смотря на свою не совсѣмъ русскую фамилію, былъ человѣкъ чисто русскій, происходя изъ малороссійскихъ дворянъ. Онъ получилъ прекрасное образованіе и отлично владѣлъ иностранными языками. Д. П. Бутурлинъ дѣлаетъ слѣдующую не вполнѣ лестную характеристику Юзефовича: «Характеръ у него скрытый, хитрый и лукавый. Онъ изучилъ военное искусство скорѣе какъ умный человѣкъ, нежели какъ военный, одушевляемый ревностью къ своему дѣлу.

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

Поэтому видно, что онъ схватилъ лишь нѣкоторыя поверхности понятія, но не пріобрѣлъ познаній, истинныхъ основъ искусства. Разговоръ его виншаетъ уваженіе обыкновеннымъ людямъ (этимъ самимъ Бутурлинъ, значитъ, выставляетъ себя человѣкомъ необыкновеннымъ), благодаря шарлатанству, которымъ онъ обыкновенно приправляетъ свою бесѣду. Онъ настолько привыкъ говорить напыщеннымъ тономъ о всѣхъ своихъ поступкахъ, что даже вредить своей писемнѣйшой храбости закваскою баxальства, которое онъ слишкомъ часто примѣняетъ при этомъ. Надменный и грубыЙ къ своимъ подчиненнымъ, онъ не любитъ ими. Онъ всегда весьма охотно появляется предъ непріятелемъ и любить битвы, но онъ любить еще болѣе атаки противъ какогонибудь отдаленнаго обоза и другіе подобные случаи, при которыхъ онъ можетъ удовлетворить своей небольшой склонности къ грабежу (*son humeur un peu pillarde*). Впрочемъ, его добѣтельность и бдительность сдѣлаютъ его весьма полезнымъ для арміи во всѣхъ случаяхъ, когда сумѣютъ употребить его надлежащимъ образомъ¹⁾). Личность Юзефовича, если судить о ней на основаніи многочисленныхъ атtestаций, разной переписки, документовъ, а также и другихъ печатанныхъ источниковъ, представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ, нежели рисуетъ ее современникъ Бутурлинъ, видимо, бывшій съ нимъ не въ ладахъ. Вопреки приведенной характеристики, можно съ увѣренностью сказать, что Юзефовичъ пользовался любовью и уваженіемъ подчиненныхъ, благодаря своей добротѣ, вѣжливости и простотѣ въ обращеніи, хотя это не мѣшало ему относиться строго и серьезно къ службѣ. Не прибѣгая къ мѣрамъ излишней строгости, онъ умѣлъ заставить отпоспѣться къ ней также и своихъ сослуживцевъ. Всѣ атtestации, конѣдѣлать Юзефовичъ своихъ офицеровъ, свидѣтельствуютъ о его заботѣ о нихъ, о любви и обѣ отеческомъ отношеніи къ нимъ, а представления къ наградамъ—о желаніи,

¹⁾ Кутузовъ въ 1812 г. Рус. Стар. 1894 г., № 11, стр. 196.

ловича въ этомъ дѣлѣ былъ его плац-адъютантъ Харьковскаго-же полка Подиоручикъ Переяславцевъ (онъ напечаталъ серебряный корабль въ 27 ф. вѣсомъ, два серебряныхъ весла въ 18 ф. и др.).

Юзефовичъ съ честью командовалъ полкомъ въ самую тяжелую для Россіи годину—въ Отечественную войну—и въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ. Благодаря его храбости и способностямъ, полкъ заслужилъ высшія награды, беззатруднительно служа Престолу и Отечеству. Юзефовичъ былъ послѣднимъ шефомъ Харьковскаго полка (званіе это уничтожено было въ 1813 году).

чтобы труды и старанія ихъ были-бы вознаграждены. Подобнымъ образомъ, онъ относился рѣшительно ко всѣмъ, не выдѣляя любимцевъ; а такого именно начальника подчиненные и любятъ. Юзефовичъ командывалъ Харьковцами долго и во все это время въ полку не было никакихъ историй, ни дурно-аттестованныхъ офицеровъ, а только все отличившіеся и отличившіеся. Обо всѣхъ Юзефовичъ отзывался прекрасно, и награды щедро сыпались полку и о немъ всѣ отзывались съ похвалой до Государя включительно. Самъ Бутурлинъ пишетъ¹⁾, что Харьковскій полкъ считался тогда въ чистъ 6 другихъ «лучшихъ полковъ нашей кавалеріи». Довести полкъ до совершенства не могъ-бы человѣкъ «схвативший лишь нѣкоторыя поверхностныя понятія», преисполненный «шарлатанства, бахальства» и т. п. Обвиняетъ Бутурлинъ Юзефовича въ «небольшой склонности къ грабежу», хотя это какъ-то даже и не вполнѣ понятно. Наоборотъ, Юзефовичъ честностью и справедливостью умѣть всегда располагать къ себѣ жителей той мѣстности, где ему приходилось квартировать съ полкомъ, командовать отрядами. Расплачиваясь обыкновенно за все наличными деньгами и охраняя населеніе отъ своевольства солдатъ, онъ заслуживалъ его довѣріе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извлекалъ изъ того большую пользу, ибо всегда большие другихъ изъ начальниковъ знали о непріятелѣ. Исправляя, во время пребыванія полка въ Галиціи, должность Сандамірскаго коменданта, Юзефовичъ розыскалъ и представилъ много драгоценныхъ вещей, принадлежавшихъ австрійскому правительству и расхищенныхъ во время смутного времени. Вещи эти прежде принадлежали іезуитамъ, а, по ихъ изгнанію, отобраны были въ казну. Среди нихъ была пайсена одна большая икона благовѣщенія Пр. Богородицы православнаго происхожденія, въ богатѣемъ окладѣ²⁾). Дѣятельнымъ помощникомъ Дмитрія Михайл-

¹⁾ Ibidem, стр. 195.

²⁾ Ibidem, оп. 152, кн. 427.

стому народу, явясь въ его изображении чѣмъ-то таинственно-ужаснымъ, и вѣсть о его предстоящемъ нашествіи повергнула всѣхъ въ тревожное раздумье. Народъ ожидалъ великихъ бѣдствій и въ суетѣномъ ужасѣ появленіе кометы (18 11 годъ), ярко блестѣвшей на небосклонѣ своимъ загадочнымъ хвостомъ, считая дурнымъ предзнаменованіемъ и объяснялъ по своему.

Предвидя войну, Императоръ Александръ спѣшилъ тоже приготовиться къ защищѣ Отечества отъ угрожавшей ему серьезной опасности. Укомплектовывались войска, формировалась новыя части и т. п.

Харьковскій полкъ къ началу 1812 года стоялъ на квартирахъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, начало которому никогда положилъ любимецъ Аскольда и Дира-Житомиръ. При раздѣленіи войскъ къ предстоявшей войнѣ полкъ былъ назначенъ во 2-ю западную армию гн. Багратиона, состоя въ 4-мъ кавалерійскомъ корниусѣ Г.-М. гр. Сиверса I (Харьковскій, Черниговскій, Кіевскій и Новороссійской—драгунскіе, Литовскій уланскій и казаки), въ 12-ой бригадѣ Г.-М. Панчуладзе I. Въ походѣ выступило только четыре эскадрона комплектного состава, носявшихъ название «дѣйствующихъ». По тогдашнему обыкновенію они назывались по фамиліямъ своихъ командировъ: одинъ «ижефскимъ» (Юзефовича), другой «вакантнымъ» (тогда, равно какъ и во все время, штолового командинга недоставало), третій—«Подполковника Красовскаго», четвертый «Майора Жбиковскаго» и послѣдній «Майора Барбера». Эскадронъ Красовскаго по назначению Юзефовича (шефу предоставлялось право выбора изъ среднихъ трехъ) былъ оставленъ на квартирахъ въ роли «запаснаго» и долженъ былъ служить для укомплектованія четырехъ¹⁾. Позднѣе (въ маѣ) этотъ эскадронъ былъ назначенъ въ 3-ю резервную обсервационную армию Г. Тормазова.

Войска сосредоточились вблизи нашей западной границы. Въ началѣ уже года въ нихъ начали появляться заразительныя бо-

¹⁾ Пол. Соб. Зак. т. XLIII, ч. II, стр. 153.

Глава XVI.

Разрывъ съ Франціею.—Приготовленіе къ войнѣ.—Распределеніе войскъ.—Отступленіе 2-ї арміи.—Соединеніе у Смоленска.—Дѣло у г. Краснаго.—Поведеніе полка.—Потери его.—Знаменитая ретирада Невѣровскаго.—Дѣла подъ Смоленскомъ.—Отступленіе арміи.—Арріергардныя дѣла.—Шевардино.—Канунъ Бородинской битвы.—Бой 26 августа.—Подвиги Харьковцевъ.—Отступленіе къ Москвѣ, оставленіе ея.—Потери полка въ августѣ.—Отступленіе въ Тарутинскій лагерь.—Дѣло 22 сентября.—Убыль въ сентябрѣ.—Партизаны.—Отступленіе Великой арміи.—Сраженіе подъ Вязьмой.—Вѣгство французовъ.—Харьковскій полкъ тантъ.—Порядокъ пополненія убыли.—Гибель французской арміи.—Новый штатъ драгунскаго полка.

ружественные отношенія, бывшія нѣкоторое время между Императорами Александромъ Павловичемъ и Наполеономъ, перешли постепенно во враждебныя и привели, наконецъ, къ открытому разрыву. Два величана того времени вступили между собою въ долгую и упорную борьбу.

Наполеонъ задолго еще готовилъ для своего нашествія громадную армію и былъ,увѣнчанный лаврами многихъ побѣдъ, увѣренъ въ успѣхѣ. Въ приказѣ по войскамъ онъ самонадѣянно говорилъ: «Россія увлекается рокомъ—она не избѣжитъ судьбы своей». Въ его великой арміи—«двунадесяти языковъ», составленной почти изъ всѣхъ народовъ западной Европы, гонимыхъ имъ на востокъ, были австрійцы и пруссаки, которыхъ мы ходили спасать отъ ига «Надменнаго Корсиканца» и проливали свою кровь подъ Аустерлицемъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ.

Своими блестящими военными подвигами, доставившими ему господство въ Европѣ, Наполеонъ пріобрѣгъ славу непобѣдимаго. Имя его гремѣло повсюду. Проникнувъ въ медвѣдѣе уголки, сдѣлалось оно известнымъ даже нашему про-

лѣзни¹⁾). Въ заботѣ своей о войскахъ, Государь, прибывъ въ армію (15 апрѣля), повелѣть для поддержанія здоровья выдавать нижнимъ чинамъ 2 раза въ недѣлю по чаркѣ водки, считая тѣковыхъ 80 въ ведрѣ, и ежедневно по $\frac{1}{2}$ фунта говядины или рыбы. Цѣны на водку и продукты стояли тогда необыкновенно высокія—пудъ говядины и рыбы стоилъ 8 рублей, а ведро водки 6²⁾!

12-го іюня французы, безъ предварительного объявленія войны, переправились у м. Понѣмуня чрезъ р. Нѣманъ, составившій тогда границу, а 13-го наши войска находились уже въ полномъ отступленіи. Съ первыхъ шаговъ обнаружились погубныя послѣдствія раздѣленія армій по принятому плану нѣмца Пфуля. Для исправленія ошибки 2-ой арміи было приказано присоединиться къ 1-ой, слѣдя на м. Вилейку, или, если то было-бы невозможно, на Минскъ. Наполеонъ, понявъ нашу ошибку, чтобы препятствовать соединенію, направилъ Короля Вестфальскаго Иеронима (80 тысячъ) за Багратіономъ, а Маршала Даву (80 тысячъ) въ разрѣзъ между нашими арміями. Багратіонъ същно двигался кружнымъ путемъ на г.г. Несвижъ, Бобруйскъ, Могилевъ, постоянно дѣлая попытки итти на соединеніе съ 1-ой арміей, но Даву всюду преграждалъ ему путь. Наконецъ, чрезъ г. Мстиславль удалось ему, предупредя французовъ, соединиться съ Барклай-де-Толли у г. Смоленска (22 іюля). 2-я армія въ теченіи 36 дней, слѣдя усиленными переходами, прошла (по донесенію Багратиона)³⁾ болѣе тысячи верстъ (750), имѣя въ тылу и съ фланговъ непріятеля. Первое время войска отступали по мѣстности очень болотистой и лѣсистой. Шедшіе тогда сильные дожди портили и безъ того отвратительныя дороги и переполняли многочисленныя рѣки. Далѣе дороги пошли по сыпучимъ пескамъ, и наступившій скоро зной, высушивъ ихъ, дѣлалъ переходы до крайности утомительными.

¹⁾ Мос. арх. оп. 299, № 43.

²⁾ Ibidem № 5.

³⁾ Ibidem № 43.

Слѣдя безостановочно, войска наши только подъ защитою стѣнъ Бобруйской крѣпости, оказавшей тогда Багратіону великую услугу, нашли иѣкоторое отдохновеніе.

Соединившись у Смоленска, такъ часто видѣвшаго въ бывшія времена вооруженные полчища у древнихъ стѣнъ своихъ, 2-я армія расположилась на лѣвомъ берегу Днѣпра. Ея солдаты, окончивъ многотрудное отступленіе, усѣлись на лѣвомъ берегу, бодро, весело съ избѣжными занимали лагерь. Здесь данъ былъ трехдневный отдыхъ, и время употреблено на укомплектованіе. Но Харьковскій полкъ уже на другой день былъ двинутъ въ сторону непріятеля. Барклай, подозрѣваемый чуть что не въ измѣнѣ, уступая общимъ требованіямъ и желанію Государя, противъ собственнаго убѣжденія, долженъ былъ перейти въ наступленіе. Изъ 2-ой арміи Багратіонъ (23 іюля) отдалъ 27 пѣхотную дивизію Невѣровскаго (съ 3-мъ казачьими полками), направилъ къ г. Красному и поручилъ охранять нашъ лѣвый флангъ, наблюдая за движениемъ войскъ непріятеля на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Г. Красный лежитъ въ 47 верстахъ отъ Смоленска на узлѣ дорогъ изъ гг. Ории, Могилева, Мстиславля и Ельни, на мѣстности открытой и возвышенной при соединеніи двухъ ручейковъ. Харьковскій полкъ, двинутый ранѣе, составляя съ 2 орудіями (коиной роты Маюра Тацына) авангардъ Невѣровскаго, 24-го соединился съ отрядомъ въ с. Көртич¹⁾. Наполеонъ, желая воспользоваться удаленіемъ отъ Смоленска перспективъ въ наступленіе нашихъ силъ, рѣшилъ обойти лѣвый флангъ и отрѣзать арміи отъ этого города. Для этой цѣли онъ двинулъ большія силы по дорогѣ, гдѣ стояли Невѣровскій въ Красномъ, да казаки въ с. Лядахъ. Другихъ войскъ не было, и Наполеону казалось, что судьба Смоленска решена, что арміи не успѣютъ прийти къ нему на помощь, а о томъ, что небольшой нашъ отрядъ у Краснаго задержить его по дорогѣ, онъ и не думалъ.

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1837—журналъ 2-й арміи.

Вначалѣ Невѣровскій расположился было впереди города. 2-го августа ему сдѣлалось известно, что огромныя массы непріятельской конницы, за коими шла пѣхота, наступаютъ по дорогѣ къ Красному и обходятъ его лѣвый флангъ. Тогда онъ, оставивъ одинъ баталіонъ (49-го егерскаго полка) въ городѣ и 2 баталіона съ 2-мя орудіями въ резервѣ, съ прочими войсками занялъ позицію позади города за оврагомъ. Харьковцы были поставлены на лѣвомъ флангѣ, гдѣ стояли и 10 орудій подъ прикрытиемъ Полтавскаго пѣхотнаго полка¹⁾. Правый флангъ былъ прикрытъ казаками. По смоленской дорогѣ къ с. Меркино (въ 5-ти верстахъ) «для очищенія положенія въ тылу» Невѣровскій поставилъ 1 баталіонъ егерей, 2 орудія и казаковъ. Этотъ маленький отрядъ пришлось ему послѣ большую пользу, введя въ заблужденіе французовъ.

2-го августа, на разсвѣтѣ, непріятель двинулся къ Смоленску. Впереди шелъ Мюратъ во главѣ 15600 всадниковъ, за нимъ пѣхота Нея. Выбѣгъ слабый отрядъ изъ Лядъ, непріятель въ 3 часа по полуоднѣмъ появился въ виду Краснаго и выѣхалъ изъ города егерей. Невѣровскій въ занятой имъ позиціи продержался долго, но, подавляемый массою, особенно кавалеріи, пошедшей въ обходъ лѣваго фланга, медленно отступилъ за рѣку Листовину²⁾ (въ 3-хъ верстахъ отъ Краснаго) и расположился на новой позиціи въ прежнемъ порядкѣ. Здѣсь Невѣровскій подвергнулся еще большему нападенію—прекрасная кавалерія Мюрата устремилась на наше лѣвое крыло. Стоявший здѣсь одинъ только кавалерійскій полкъ въ составѣ 4-хъ только эскадроновъ не устранился палетавшей на него тучѣ непріятельскихъ всадниковъ. Харьковцы, проникнутые сознаніемъ своего долга, твердыи духомъ и одобряемыя примѣромъ лихого шефа, не только «отражали напа-

¹⁾ Г. М. Богдановичъ (Ист. Отеч. войны I стр. 243) говоритъ, что Харьковскій полкъ былъ поставленъ въ прикрытие орудіямъ, но изъ рапорта Невѣровскаго Багратиону отъ 3 авг. (В. Уч. арх. I, № 1837) видно ясно, что онъ ошибается. Благодаря этой ошибки, изъ его описания выходить, что полкъ бросилъ порученія его охраны орудія.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1837. Рапортъ Невѣровскаго.

денія съ отчаяннымъ мужествомъ», но и сами бросались въ смѣлья атаки¹⁾. Уступая только подавляющему превосходству силъ, Харьковскій полкъ «принужденъ былъ уступить»²⁾.

Надо было обладать незауряднымъ мужествомъ, отвагою и геройскимъ духомъ, чтобы рискнуть идти въ атаку ничтожными, сравнительно, силами на тысячи враговъ. Естественно, Харьковцы видѣли бесполезность своихъ усилий, но сознаніе долга не позволяло имъ оставить поле сраженія, не показавъ французамъ, что они не страшатся схватки съ ними. Потерявъ 21 человѣка и 43 лошади убитыми³⁾, полкъ «долженъ былъ уступить»;—онъ «бросился» по дорогѣ къ Смоленску. Орудія, видя опрокинутую нашу кавалерію «понеслись» за нею, «хотя были прикрыты Полтавскимъ пѣхотнымъ полкомъ»⁴⁾. Отступивши вначалѣ въ порядкѣ полкъ Харьковскій, видимо, потому нѣсколько увлекся, такъ какъ Невѣровскій въ своеемъ рапорѣ, въ космѣ воздаетъ хвалу Харьковцамъ, даѣте говорить, что, «ничему не внимая», «батарейная рота съ конницею пронеслись мимо» отряда, стоявшаго на позиціи у с. Меркино подъ начальствомъ Назимова⁵⁾. Но увлеченія этого нельзя особенно поставить полку въ укорь: что могъ онъ сдѣлать противъ непріятеля, въ нѣсколько разъ превосходившаго его числомъ! Оставаться далѣе на полѣ сраженія значило осудить себя безъ пользы на полную гибель. Извѣстный Ермоловъ ставитъ даже въ вину Невѣровскому то, что онъ, «имѣя одинъ Харьковскій полкъ, подвергъ его чувствительному урону»⁶⁾.

Задавшись цѣлью писать исторію полка, а не пѣть ему хвалебной оды, авторъ не скрываетъ ничего—ни хорошаго,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Мѣс. рап. пол. (убиты: Вахмистръ Василій Вондаренко, Унтер-офицеръ Ермоловъ, 17 рядовыхъ и 2 дешнника, бывшихъ почему-то во фронѣ; строевыхъ лошадей 43, изъ раненыхъ пало 6; къ сожалѣнію, число раненыхъ неизвѣстно).

⁴⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1837.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Записки Ермолова, стр. 84,—92, 96.

ии дурного: объ этом «ни чём не внимая» въ печатанныхъ источникахъ нигдѣ не говорится, а свидѣтельствуетъ розысканный архивный документъ. Опь-же далѣе повѣствуетъ (чего опять таки въ печатанныхъ источникахъ иѣтъ), что Харьковскій полкъ «однако» вскорѣ вполнѣ оправился¹⁾ и послѣ прикрывалъ знаменитую «ретираду» Невѣровскаго. Послѣдній со своею дивизіею, въ ней были на половину рекруты, медленно, шагъ за шагомъ отступалъ по дорогѣ къ Смоленску, преслѣдуемый 15 тысячами конницы Мюрата, мужественно отражая всѣ ихъ частныя попытки врубиться въ густую колонну, которая даже «бросилась въ птыки и тѣмъ совершило изумила непріятеля».

Невѣровскій 3-го прибылъ въ с. Ясенное, къ нему шелъ на помощь Раевскій.

3-го Невѣровскій и Раевскій заняли Смоленскъ и 4-го выдержали нападеніе французовъ на этотъ городъ, куда того-же числа собирались и наши обѣ арміи.

4-го и 5-го августа шла упорная оборона этого древнѣшаго города, нѣкогда столицы кривичей и яблока раздора между Россіею и Польшею. Полкъ въ эти дни не принималъ дѣятельнаго участія; тѣмъ не менѣе, ему все таки два раза пришлось атаковать непріятельскую кавалерію. При этомъ отличились пять нижнихъ чиновъ (Унтеръ-офицеръ Лысенко и рядовые Шурасъ, Чернышевъ, Пироженко и Малюваний)— они во время атаки полка врубились въ непріятельскій фронтъ, а, будучи во фланкерахъ, съ неустрашимою храбростью удерживали непріятельскихъ фланкеровъ, опрокидывая ихъ. За оказанные ими подвиги, эти нижніе чины были награждены знаками Отличія Военнаго Ордена по аттестаціи и выбору товарищей²⁾.

Съ потерей Смоленска началось отступленіе нашихъ войскъ къ Москвѣ. Впереди шла 2-я армія, облегчая отступи-

¹⁾ Воеп. Уч. арх. I, № 1837.

²⁾ Мос. арх. оп. 208, кв. № 10.

леніе 1-ой. Харьковскій полкъ участвовать въ дѣлѣ 7 августа при с. Писева Слобода, въ коемъ было легко ранено 4 офицера (поручики Спановскій, Перниковъ и прaporщики Глуховскій и Малиновскій¹). Осторожнаго Барклай, благоразумно уклонявшагося отъ рѣшительнаго столкновенія, смыслилъ не менѣе осторожный Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ. Отступленіе продолжалось.

Стоявший болѣе трехъ недѣль страшная засуха и жара высушили болота и ручьи. Двигавшіеся непрерывно по дорогѣ обозы, артиллерія и войска тысячами колесь и безчисленнымъ числомъ ногъ разрыли раскаленную песчаную почву до того, что колеса и ноги глубоко уходили въ мягкую и тончайшую, какъ пудра, пыль, страшно тѣмъ замедляя движеніе, муча людей и животныхъ; полное безвѣтріе довершало страданія. Пыль, взбивающая ногами, стояла неподвижнымъ облакомъ надъ дорогою, заслоняя собою солнце, казавшееся въ немъ краснымъ шаромъ, на которое свободно можно было смотрѣть; дышать было трудно—пыль проникала въ глаза, носъ. Солдаты шли, задыхаясь, съ завязанными платками лицами. Грустный и печальный видъ представлялся по сторонамъ дороги и съ болю отзывался въ сердцахъ русскихъ: хлѣбъ, выжженный солицемъ, высыпался на кориѣ; убирать его было некому—жители бѣжали предъ наступленіемъ Великой Арміи Наполеона, великой тѣмъ опустошеніемъ и насилиемъ, которыя она внесла съ собою въ нашу родину. Отступая въ такой обстановкѣ, всѣшли озлобленные, измученные, не видя конца этому томительному отступленію. Лучше было сразиться и умирать! И солдаты рвались въ бой съ наступавшимъ непріятелемъ, который въ конецъ грабилъ и разорялъ жилища ихъ отцовъ и родныхъ, и каждый вечеръ въ сторонѣ

¹⁾ Были-ли какія другія потери—незвѣстно, такъ какъ, вслѣдствіе военнаго времени, вся отчетность въ полку велась неаккуратно; хотя за пѣнкоторые мѣсяцы этого года и есть мѣсячные рапорты, но они очень неполны, о чёмъ оговорку дѣлаетъ и самъ полкъ; пробѣлъ пополнялся отрывочными свѣдѣніями, разбросанными въ архивахъ.

непріятеля видно было зловѣщее зарево отъ пылавшихъ деревень. Такъ тянулись томительно дни, и солнце каждое утро веходило во мглѣ не успѣвшей за ночь осѣсть пыли, чтобы снова жечь и мучить войска. Съ тоскою солдаты обращали свои взоры на небо, тщетно высматривая тамъ признаковъ, предвѣщающихъ близость дождя, но ходившія по небу днемъ облака, обыкновенно къ вечеру исчезали, и солнце, садясь въ красномъ пыльномъ туманѣ, пророчило на завтра лишь только новыя мученія. И такъ было болѣе трехъ недѣль! Но, не взирая на тѣгость одного ужъ только отступленія при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, кавалеріи приходилось еще и нести трудную арріергардную службу, держать разъѣзы, по ногамъ становиться на аванпосты. Несчастная лошадь отъ утомленія, жажды и недостатка корма съ трудомъ влачили ноги, изнывая подъ тяжестью поши. Время отъ времени происходили и столкновенія съ непріятелемъ. Такъ, въ дѣлѣ арріергарда Коновицкаго (20 августа) при Гжатской Пристани, убито было въ Харьковскомъ полку 2 рядовыхъ и 1 лошадь, подъ Колецкомъ монастыремъ (23-го)—1 рядовой и 6 лошадей¹⁾.

Наконецъ, армія подошла къ с. Бородино, гдѣ рѣшено было дать непріятелю генеральное сраженіе.

За день до Бородинской битвы, съ которой звѣзда Наполеона, добравшись до зенита, начала свой исходящій путь, произошло упорное сраженіе при Шевардинѣ, составлявшемъ нашу передовую позицію. Въ тотъ моментъ боя, когда наша пѣхота пошла въ атаку на отбитый у насъ-же редутъ, два кирасирскихъ полка (Малороссійскій и Глуховскій), замѣтивъ, что непріятель угрожаетъ ей съ тыла и фланга, напали на него. Два эскадрона Харьковскаго и два—Черниговскаго полковъ прикрывали атаку кирасиръ съ праваго фланга отъ двухъ пѣхотныхъ колоннъ, сг҃ышившихъ къ мѣсту схватки. Атака кирасиръ была вполнѣ успѣшна—они опрокинули не-

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

пріятеля и завладѣли пушками и вмѣстѣ съ драгунами, во время ихъ поддерживими, бросились преслѣдоватъ французовъ. Отогнанный далеко непріятель ужъ не пытался возобновлять нападенія въ виду остановившихъ драгунъ и кирасиръ. Между тѣмъ, съ другой стороны на мѣстѣ боя неожиданно появились остальные эскадроны Харьковцевъ подъ командою Маюра Жбиковскаго и Черниговцевъ и стремительно атаковали эти непріятельскія пѣхотные колонны въ то время, когда они спѣшили устанавливали двѣ пушки, чтобы действовать огнемъ по кавалеріи. Наши драгуны овладѣли орудіями¹⁾, не давъ произвести ни одного выстрѣла. Харьковскіе драгуны—Унтеръ-офицеръ Игнатъ Фесенко, рядовые Герасимъ Павсенко, Степанъ Губскій, Созонъ Терещенко и Иванъ Гонтаренко—первые бросились къ непріятельскому орудію, ободряя примѣромъ своимъ прошихъ товарищѣ, и, не обращая вниманія на выстрѣлы пѣхоты, увезли на своихъ лошадяхъ одну пушку²⁾. Наградою имъ были георгіевскіе кресты и пенсія полугодового оклада. Когда эти храбрецы увозили орудіе, эскадроны расправились съ французами, сг҃ышившими на выручку артиллерию. Первыми врубились въ пѣхотную колонну, далеко опередивъ остальныхъ, Унтеръ-офицеръ Афонасій Волошинъ, рядовые Петръ Сиверъ, Сидоръ Лысиковъ и Даниль Выстроненко—и эти получили кресты и пенсію въ одну третью оклада. При первомъ-же столкновеніи съ непріятелемъ оба эскадронные командиры—капитаны Нестелей и фонъ-Нагель были убиты. Смерть этихъ офицеровъ, работавшихъ впереди и увлекавшихъ своимъ примѣромъ подчиненныхъ, произвела изъкоторое замѣшательство въ рядахъ. Тогда три поручика Спановскій, Переяславцевъ, Плужанскій стали на мѣста убитыхъ, и эскадроны съ удвоенною стремительностью начали тѣснить пѣхоту, врубаясь въ каре 111 французскаго пѣхотнаго³⁾ полка. Выдѣлились своею отвагою при

¹⁾ В. Уч. арх. I, № 1925.

²⁾ Мос. арх. оп. 208, кн. № 10.

³⁾ Ibidem.

этотъ Маіоръ Жбиковскій и упомянутые офицеры. Драгуны лихо работали саблями, и почти весь 111 полкъ былъ уничтоженъ¹⁾. Атака была настолько бѣнасная, и драгуны дышали такою отвагою, что устрашенній непріятель оказалъ ничтожное сопротивление. Пощады и пленныхъ не было. Примѣры замѣчательной храбрости явили еще нѣсколько офицеровъ полка и за то получили награды и похвальные листы съ изъясненіемъ ихъ подвиговъ.

Когда во время схватки въ двухъ эскадронахъ Жбиковскаго ранены были 4 офицера (поручики Перниковъ, Смирницкий, прапорщики Глуховскій и Малюковскій), рядовые—Григорій Барановъ, Иванъ Величко, Романъ Пелихъ и Архипъ Сергеевъ—въ самомъ пылу схватки, гдѣ свистѣли пули и работали сабли, соскочили съ лошадей и на плечахъ своихъ вынесли раненыхъ. И эти доблестные драгуны за ихъ самоотверженіе награждены были георгіевскими крестами²⁾. Раненъ былъ въ этотъ день гранатнымъ черепкомъ и Прапорщикъ Сичинскій, но остался во фронте. Бромъ поименованныхъ нижнихъ чиновъ, еще многие, отличивъ себя подвигами, получили знаки отличія Военнаго Ордена. Убито въ полку было 7 рядовыхъ и 35 строевыхъ лошадей; сколько-же было ранено—незнѣстно. Бой 24 августа, преддверіе Бородинской битвы, былъ жаркій, смерть была вездѣ и всюду; Шевардинскій редутъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Наполеонъ, обозрѣвая свои войска на другой день, спросилъ: «Гдѣ 3-й баталіонъ 57-го полка?»—«Государь, отвѣчали ему, онъ остался въ редутѣ!»³⁾ Упорный бой кончился лишь съ наступленіемъ ночи. Пѣхота подъ покровомъ тьмы отведена была на позицію, кавалерія-же осталась на мѣстѣ сраженія до разсвѣта, держала цѣль и только постѣ того была отведена туда-же, гдѣ Харьковскій полкъ присоединился къ 4-му кавалерійскому корпусу гр. Сиверса.

¹⁾ Богдановичъ. Ист. цар. Алек. I, III, 281—287.

²⁾ Моск. арх. оп. 208, кн. № 10.

³⁾ Жизнеописаніе Г. Эмануэля, стр. 18.

Весь день канунъ Бородинской битвы прошелъ спокойно. Обѣ враждебныя арміи готовились къ решительному столкновенію. Наполеонъ расчитывалъ здѣсь окончить войну, русскіе надѣялись побѣдить врага и изгнать его изъ своей родной земли. Солдаты готовились къ смертному бою,—они точили оружіе, надѣвали чистыя рубахи, какъ бы къ какому торжеству. По рядамъ русскихъ войскъ носили икону Смоленской Божіей Матери, и солдаты въ умиленіи преклоняли предъ Нею колѣни, прося Бога даровать побѣду. Долго тянулся этотъ томительный день, пока мракъ не спустился на поля бородинскія, коимъ суждено было обагриться человѣческой кровью и сдѣлаться могилами тысячи людей. Тихо и спокойно было въ русскомъ станѣ. Не то было у французовъ—въ ихъ лагерь горѣли огни, слышались радостные крики привѣтствія—Наполеонъ объѣзжалъ войска свои. Второй уже разъ стояли такъ русскіе и французы лицомъ къ лицу, чтобы схватиться съ разсвѣтомъ. Подъ Аустерлицомъ была юношеская обстановка, и на другой день взошло солнце, по это уже не было «Солнце Аустерлица», свидѣтель полного торжества французовъ.

Въ 6 часовъ утра въ туманиомъ воздухѣ гулко грохнула первыи пушечный выстрѣль французовъ; на него тотчасъ отвѣтили съ русской стороны, и загремѣла канонада сотень пушекъ обѣихъ сторонъ. Сначала слабая, она постепенно начала усиливаться и, наконецъ, разразилась съ неоптижимою силою; пушечные и ружейные выстрѣлы слились въ одинъ общій неумолкаемый гулъ. Снаряды свистали по всѣмъ направлѣніямъ, взрывая землю при своемъ паденіи и осыпая людей осколками, несущими всюду смерть. О силахъ огня можно судить изъ того, что съ непріятельской только одной стороны было выпущено 60 тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и одинъ миллионъ 400 тысячъ ружейныхъ пуль! По расчету на каждую минуту боя приходилось болѣе двухъ тысячъ выстрѣловъ. Во время-же разгара боя все перемѣшалось—коница,

пехота; укрепления переходили изъ рукъ въ руки, и что дѣлать однѣй какой нибудь полкъ въ этомъ общемъ хаосѣ не поддается подробному описанію, если не призывать на помощь фантазіи.

Харьковцы, въ числѣ кавалеріи гр. Сиверса, были расположены позади 4-го пехотного корпуса Раевскаго, т. е. въ центрѣ нашей позиціи, гдѣ былъ самый адъ. При атакѣ Латуръ-Мабура нашихъ батарей, полки Харьковскій и Черниговскій подоспѣли на помощь, но были опрокинуты. Драгуны повторяли атаки, отстояли пушки, но въ большомъ разстройствѣ должны были отступить за пехоту¹⁾.

Выдающимся подвигомъ Харьковцевъ въ этомъ бою, гдѣ каждый русскій воинъ являлъ геройскіе примѣры храбрости, была атака французскаго 9-го уланскаго полка, овладѣвшаго уже было нашимъ батарею ротою Подполковника Бандыбы. Полкъ этотъ былъ почти весь истребленъ, а 6 нашихъ орудій отбиты обратно. Подъ жесточайшимъ огнемъ непріятельскихъ батарей 24 нижнихъ чина Харьковскаго полка съ вахмистрами Трофимомъ Ляховымъ и Василіемъ Шестюковымъ во главѣ (имена драгунъ см. въ приложениі) спѣшились, за прягли своихъ лошадей въ орудія и безъ урона увезли всѣ пушки²⁾. Они получили послѣ въ награду за подвигъ георгіевскіе кресты. Первыми врубились въ tolпу непріятельскихъ всадниковъ унтеръ-офицеры Иванъ Бурмistrovъ, Афонасій Волошинъ и рядовой Максимъ Колашниковъ—эти три богатыря саблями проложили себѣ путь и взяли въ плѣнъ командаира французскихъ уланъ и двухъ офицеровъ. Георгіевскіе кресты были имъ малою за то наградою³⁾.

При истребленіи французскихъ уланъ изъ офицеровъ особенно отличившихся не было, всѣ они въ равной мѣрѣ были достойны всякой похвалы: «каждый изъ нихъ въ сей атакѣ покрылъ себя славою, быть примѣромъ блестательнейшей

¹⁾ О. Н. Глинка. Очеркъ Бородинского сраженія.

²⁾ Мос. арх. оп. 208, кн. № 10.

³⁾ Ibidem.

храбрости между рядами непріятеля, успивавшаго неоднократно удержать наши орудія, около коихъ и падть жертвою собственнаго удара»¹⁾—такъ только, не выдѣляя никого, начальство и могло аттестовать офицеровъ. Шефъ Харьковскаго полка былъ послѣ награжденъ орденомъ Св. Владимира 3-й степени; всѣ офицеры получили разныя награды, а 4 изъ нихъ—золотое оружіе (поручики Массальскій, Сапновскій, Переяславцевъ и Плужанскій).

День Бородинской битвы былъ днемъ всевозможнаго самоотверженія и геройства: въ полку, напримѣръ, по собственному желанию, сталь въ ряды полковой писарь Алексѣй Дрябинъ «изъ единаго усердія къ службѣ» и отличилъ себя, лихой действуя при занятіи батареи, при чемъ быть ранены въ правую ногу²⁾. Изъ офицеровъ были ранены Поручикъ Сапновскій, Прапорщикъ Сицинскій—этотъ достойный офицеръ, оставшійся во фронѣ, не смотря на рану, полученную при Шевардинѣ, теперь сильно быть контуженъ въ колѣно лѣвой ноги; ранено было много нижнихъ чиновъ тяжело и легко, но число ихъ неизвѣстно. Убитыми въ мѣсячномъ ранортѣ показаны прапорщики Тонсаровскій, Филовскій, 2 рядовыхъ и 32 лошади.

Вечеръ прекратилъ сраженіе; половина наличнаго числа сражавшихся выбыла изъ фронта и у русскихъ, и у французовъ. Армія наша удержала свою позицію. Ни Наполеонъ, ни Бутузовъ не могли считать себя побѣдителями.

Ночь съ 26 на 27 была темная, сырая. Послѣ полуночи началось отступленіе нашей арміи къ Можайску. Первою пошла артиллерія, послѣ иѣхота, а послѣднею кавалерія. 27-го непріятель оставался на мѣстѣ и не преслѣдовалъ насъ.

Во время отступленія къ Москвѣ, Харьковскій полкъ былъ въ арріергардѣ Милорадовича, участвовалъ ежедневно въ дѣлахъ. 29-го въ дѣлѣ на марше отъ Можайска къ Крутицѣ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

было убито 2 драгуна и 12 лошадей и ранено пулею Штабсъ-Капитанъ Галаганъ.

Въ течениі истекшаго авгуستа въ полку было убито всего: 4 офицера, 1 вахмистръ, 1 унтеръ-офицеръ, 31 рядовыхъ, 2 дешницика, строевыхъ лошадей 183, офицерскихъ 6 (плю отъ тяжелыхъ рапъ 48 лошадей). Въ полку на лицо состояло штабъ-офицеровъ 3, оберъ—13, унтеръ—45, музыкантовъ 11 и рядовыхъ 483, въ числѣ ихъ было 70 рекрутъ, прибывшихъ уже послѣ Бородинскаго сраженія; лошадей—строевыхъ 371, подъемныхъ 52, въ числѣ лошадей 83 было больныхъ и раненыхъ; недоставало ихъ до комплекта 109. Пополнился полкъ (послѣ Бородина) 107 лошадьми (57 куплено полкомъ и 50 приведено изъ запаснаго депо).

Число раненыхъ чиновъ въ августь неизвѣстно, но въ сентябрѣ было выключено изъ списочнаго состоянія полка неизвѣстно гдѣ находившихся 6 унтеръ-офицеровъ и 71 рядовогохъ, отосланныхъ въ августь ранеными въ Москву¹⁾.

Послѣ Бородинскаго сраженія, отступая къ Москвѣ, Кутузовъ приказалъ кавалерійскимъ полкамъ, вслѣдствіе большої убыли людей и особенно лошадей, образовать меньшее число эскадроновъ, но комплектнаго состава.

2-го сентября Москва была оставлена. Армія отступила по рязанской дорогѣ. Аппергардъ пашъ, выйдя изъ Москвы, ночевалъ отъ нея лишь въ 6-ти верстахъ. Въ ту же ночь наша древняя столица запылала—отдашная французы она не захотѣла цѣлою отдать въ руки враговъ.

Армія отступила къ Тарутину, гдѣ и расположилась лагеремъ. 4-й кавалерійский корпусъ стоялъ въ резервѣ, позади лѣваго фланга, на небольшой полянѣ, посреди лѣса. 22-го сентября Харьковцы участвовали въ поискахъ непріятеля и въ столкновеніи съ ими. День этотъ стоялъ полку 2 нижнихъ чиновъ и 20 лошадей убитыми (при занятіи и удержаніи позиціи подъ сильнымъ огнемъ) и безъ вѣсти прошавшими

¹⁾ №е. рап. пол.

1 нижняго чина и 3 лошадей. Ранены были Поручикъ Брецинскій и Прапорщикъ Сичинскій—послѣдній по счету уже третій разъ (24, 26 авгуаста и 22 сентября). За отличие, выказанное имъ въ этомъ дѣлѣ онъ былъ награжденъ чиномъ. Брецинскій и Прапорщикъ Перниковъ получили золотое оружіе, а Унтеръ-офицеръ Смирновъ, украшенный уже георгіевскимъ крестомъ, произведенный былъ за выказанное имъ мужество въ офицеры.

Въ лагерѣ при Тарутинѣ армія простояла до первыхъ чиселъ октября. Время это было употреблено на укомплектованіе ся. Харьковскій полкъ продолжалъ быстро таять—въ течениі сентября убыло 105 лошадей, брошенныхъ за ранами, пѣнуреніемъ, отиравленіемъ въ вагенбургъ, павшихъ отъ болѣзней и убитыхъ въ сраженіи. При 679 человѣкѣ всѣхъ чиновъ, состоявшихъ по списку, полкъ въ сентябрѣ въ рядахъ своихъ считалъ лишь 313 человѣкъ, т. е., менѣе, чѣмъ половину; остальные были ранены, иѣкоторые находились въ командировкахъ. А о многихъ, гдѣ они были, полкъ и не зналъ вовсе, такъ какъ убывши разными случаями долго оставались неперечищенными изъ списочнаго состоянія.

Принимали участіе Харьковцы и въ партизанскихъ дѣлахъ Фигнера, знаменитаго своею замѣчательною храбростью, доходившею до дерзости, и жестокою расправою съ пленными, часто добровольно ему отдававшимися. Въ концѣ сентября въ составъ отряда этого партизана были выдѣлены изъ полка двѣ команды—одна съ Поручикомъ Ильинскимъ I, другая съ Прапорщикомъ Пассенкою. Партизаны рыскали въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы между частями непріятельскихъ войскъ. Появляясь неожиданно повсюду, быстро перелетая съ одного мѣста на другое, отбивали они всѣ транспорты, везущіе провіантъ въ Москву. Благодаря имъ, французы голодали, щли крысы, кошки и воронъ, питавшихся въ свою очередь падалью. Оба офицера Харьковскаго полка за свои дѣствія прекрасно были аттестованы Фигнеромъ и получили награды—

ордена Св. Анны 3-й степени; подъ командою Фигнера они находились по 4 октября, посль чего и возвратились обратно въ полкъ. Были-ли какія потери—непзвѣстно.

Недалеко оть Тарутина, на р. Черниговѣ, русскіе въ почью на 6 октября напали на 20-ти тысячный авангардъ Мюрата, и онъ долженъ бытъ-бы погибнуть весь, если-бы прекрасно составленный планъ бытъ выполненъ точно. Но, хотя нападеніе и кончилось ничѣмъ, оно, тѣмъ не менѣе, побудило Наполеона выступить изъ Москвы на Калугу. Въ упорной битвѣ при Малоярославцѣ—городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки—положенъ бытъ предѣлъ дальнѣйшему наступленію на югъ. Посль того Наполеонъ, возвратясь на Смоленскую дорогу, попытъ обратно по мѣстности, разоренной его же войсками и сожженою самыми жителями, убѣгавшими предъ французами. Не имѣя возможности находить себѣ продовольствіе, Великая Армія, преслѣдуемая нашими войсками, окруженнай роемъ партизановъ и вооруженныхъ крестьянъ, охотившихся на непріятеля, какъ на дикихъ звѣрей, должна была погибнуть.

Отъ Малоярославца Харьковскій полкъ ишелъ въ авангардъ Милорадовича (въ 4-мъ кавалерійскомъ корпусѣ Г. Васильчикова). Переочевавъ недалеко оть г. Вязмы, въ с. Спасскомъ, авангардъ въ 4 часа утра 22 октября выступилъ даље. Харьковцы слѣдовали подъ личнымъ начальствомъ Милорадовича. Къ 8 часамъ утра, далеко оставивъ позади пѣхоту, кавалерія заняла высоты, командующиа болѣею дорогою между Вязмою и с. Федоровскимъ. Корпусъ французскихъ войскъ вице-короля бытъ уже около города, Даву-же только что началъ выходить изъ с. Федоровскаго. Г. Эммануэль съ Ахтырскимъ и Кіевскимъ полками атаковалъ авангардъ его, слѣдовавшій въ безпорядкѣ мимо нашей позиціи. Не смотря на кустарникъ, замедливший движеніе, Эммануэль разсѣялъ одну бригаду и выскакалъ на большую дорогу. Въ то время, когда Эммануэль напалъ на непріятеля слѣва, Пол-

ковникъ Юзефовичъ со своими Харьковцами, не получивъ на то приказанія, взялъ нѣсколько вправо, проскакалъ чрезъ большую дорогу и ударилъ на обозъ, спѣшившій уйти. Но Милорадовичъ, поджидая прибытія пѣхоты, чтобы съ ея приходомъ атаковать всѣми силами, задержалъ остальные полки на мѣстѣ, развернувъ ихъ на высотахъ параллельно дороги, обстрѣливая лишь изъ орудій войска французовъ. Непріятель, пользуясь этою остановкою, сбивъ тѣмъ временемъ полки Эммануэля, быстро продолжалъ двигаться впередъ. А вице-король, услышавъ выстрѣлы, вернулся назадъ и занялъ позицію, угрожая нашему лѣвому флангу заходомъ въ тылъ, положеніе нашихъ кавалерійскихъ полковъ дѣлалось опаснымъ.

Чрезъ полчаса главная колонна корпуса Даву, спѣшило подвигаясь впередъ, къ Вязмѣ, отрѣзали, такимъ образомъ, Харьковцевъ, бывшихъ на правой сторонѣ дороги. Полкъ, отрѣзанный отъ прочихъ войскъ, очутился въ очень критическомъ положеніи, являя собою, при томъ, всѣдѣствіе своей малочисленности, не особенно грозную силу. Что было дѣлать? Оставаться на правой сторонѣ было нельзя—съ каждой минутой число непріятельскихъ войскъ, спѣшившихъ къ Вязмѣ, увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасность. Полковникъ Юзефовичъ, поставленный, казалось-бы, въ безвыходное положеніе, рѣшился на смѣлый поступокъ: онъ бросился съ полкомъ въ кустарникъ и во весь опоръ понесся на ироломъ между непріятельскими колоннами. Французы, изумленные такою необычайною смѣлостью, ничего не сдѣлали, чтобы преградить ему путь, даже не стрѣляли, какъ-бы послушавшись Юзефовича: шефъ въ ту критическую минуту сохранилъ полное спокойствіе—проносясь почти подъ самимъ носомъ мимо одной колонны, онъ закричалъ: «Mes amis, ne tires pas—je vous fais grâce de laver! (Друзья, не стрѣляйте—дарю вамъ жизнь!) И оторопѣлые французы дѣйствительно не стрѣляли, приведенные этою фразою еще въ большее изумленіе. Смѣлость и рѣшительность шефа спасли полкъ—онъ присоеди-

нился къ лѣвому флангу казаковъ, не потерявъ при томъ ни единаго человѣка¹⁾.

Съ приходомъ дивизій, авангардъ перешелъ въ наступленіе всѣми силами. Бой продолжался до 6 часовъ вечера и кончился победою для насъ и болыши потерей для испрятеля. Французы сѣбѣшио уходили. Милорадовичъ съ распушеными знаменами и музыкою вступили въ Вязьму, а войска расположились бѣнакомъ около города. Изъ числа 3 тысячъ пѣхотныхъ Харьковцы взяли 350, но и сами потеряли убитыми Маюра Бабарсова, 2 рядовыхъ и 9 лошадей²⁾. За подвигъ при Вязьмѣ Полковникъ Юзефовичъ (по оинибѣ) былъ вторично представленъ къ ордену Св. Владимира 3-ей степени, который быть уже ему пожалованъ за 24 и 26 августа.

Послѣ отступленія испрятеля отъ Вязьмы, выпалъ первый снѣгъ, а съ 25 октября начались морозы въ 18°, продолжавшіеся 6 дней. Съ этого времени испрятельская армія начала быстро таять. Все ополчились, чтобы ее погубить—голодъ, морозы, усилившая дѣятельность нашего преслѣдованія, партизаны, крестьяне, бабы даже. Достигнувъ Смоленска, Великая Армія, не найдя тамъ ожидаемаго отдыха и продовольствія, побѣжали уже даѣтъ. Около Краснаго она понесла болынія потери при столкновеніи отѣлленныхъ ея корпусовъ съ нашими войсками. Ничтожность нашихъ потеръ являемся лучшимъ доказательствомъ того жалкаго состоянія, до котораго къ тому времени додали уже полчища Наполеона. Но и наша армія, сохранивъ прекрасный духъ, тѣмъ не менѣе, сильно таяла, находясь также въ плохихъ условіяхъ, неся лишнія и усиленные труды. Подвозъ провіанта и фуражъ при постоянномъ и быстромъ преслѣдованіи былъ, конечно, случайный, а въ мѣстности на болыніи разстояніи отъ дороги не было ни зерна. Все это было причиной того, что армія, выступившая изъ Тартинского лагеря въ числѣ ста тысячъ, по-

¹⁾ Богдановичъ. Ист. Ог. войн., III, стр. 74. Бутурлинъ. Кутузовъ въ 1812 г. Рис. Стар. I 91 г., № 11, стр. 208—209.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

терявшая въ сраженіяхъ не болѣе 5 тысячъ, пришла къ Красному въ составѣ лишь половины. Таяль сильно и Харьковский полкъ—къ концу октября въ его рядахъ считалось только 302 человѣка всѣхъ чиновъ, а лошадей строевыхъ всего лишь 224 и подъемныхъ 24¹⁾; и это уже послѣ того, когда вернулись бывшія въ командировкахъ команды. Но и находившіяся на лицо лошади шатались, какъ тѣни, съ трудомъ вытаскивали ноги изъ глубокаго снѣга. Много изъ нихъ было набито, ибо они собственно рѣдко и разсѣдывались. На маршиахъ много ихъ пристрѣливали за слабостью и болѣзнями. Въ октябрѣ на пополненіе убыли не прибыло ни одной лошади. Обязанность поставлять людей и лошадей въ полки лежала сначала на запасныхъ эскадронахъ, но эти источники скоро изсякли, такъ какъ всѣ они были сведены въ свободные полки. Такъ, Подполковникъ Красовскій съ эскадрономъ Харьковскаго полка попалъ въ полкъ, составленный изъ запасныхъ эскадроновъ Харьковскаго, Повороссийскаго, Кіевскаго и Черниговскаго драгунскихъ полковъ, коимъ онъ и командовалъ. Для пополненія же убыли лошадей въ регулярной кавалеріи было собрано подъ начальствомъ Г. Кондратиевича 3 резервныхъ корпуса. Эскадроны въ нихъ были по усиленному военному положенію (179 коней). Покупка лошадей возлагалась на губернаторовъ, коимъ отпускалось по 200 рублей ассигнаціями на каждую. По Высочайшему повелѣнію допущена была замѣна одного рекрута 4 лошадьми кипрасирскими, 5—драгунскими, 6—гусарскими и уланскими. Такихъ лошадей только въ Подоліи и на Волынѣ было собрано Г.-Ад. гр. Комаровскимъ 10,554²⁾. Но въ полкъ лошади почему-то не поступали, и онъ продолжалъ все время находиться въ громадномъ некомплектѣ.

Между тѣмъ, въ своемъ отступленіи французы достигнули Березины.—«Имя ся, говоритъ свидѣтель всѣхъ ужасовъ сраженія и переправы (инженерный офицеръ Мортосъ), любезно,

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Газета Конноз. 1874 г., ст. 84.

священю каждому русскому, но ужасно каждому другу человечества». Послѣ переправы, гдѣ 17 тысяч французовъ пали себѣ смерть, Великая Армія, обратившись уже въ головную и оборваниую толпу съ отмороженными руками и ногами, бросая оружіе, покинутая своимъ повелителемъ, бѣжала, устилая дорогу своимъ трупами. За нею гнались, добивая, наши войска, и только жалкіе остатки ея переправились чрезъ Нѣманъ, чрезъ тотъ Нѣманъ, который менѣе полугода тому назадъ видѣлъ Наполеона, увѣреннаго въ успѣхѣ, вторгавшагося въ Россію съ грозною 600 тысячною арміею.

Преслѣдуя непріятеля, русскіе въ декабрѣ заняли Герцогство Варшавское, созданное Наполеономъ, и заняли Варшаву, сданную безъ боя Шварценбергомъ.

Такъ кончилась Отечественная Война, показавшая, на какія жертвы и самоотверженія способенъ русскій народъ, и какъ трудно одолѣть его, сильнаго болѣе всего своимъ единствомъ и любовью къ Престолу и Отечеству!

На основаніи штата 1812 года (27 декабря) положено было переформировать драгунскіе полки въ 6-ти эскадронный составъ съ 1 запаснымъ по 20 рядовъ во взводѣ, числомъ всѣхъ чиновъ 1639 и 1254 строевыхъ лошадей. Война показала недостаточную силу полковъ 4 эскадронного состава, кои, при обычной въ военное время убыли, дошли скоро до самаго ничтожнаго состава. При томъ было признано необходимымъ и увеличить силу самаго эскадрона; по новому штату составъ его былъ доведенъ до 201 человѣкъ и 179 лошадей. Каждые два эскадрона получили название дивизіоновъ, ими должны были командовать штабъ-офицеры, команда въ тоже время и эскадронами. Хотя штать этотъ и былъ тогда утвержденъ, но Харьковскій полкъ, равно какъ и другіе, долго продолжалъ быть въ составѣ, не доходившемъ далеко даже къ прежнему штату. И только по окончаніи войны, въ концѣ линіи 1814 года, полкъ былъ доведенъ до 6-ти эскадронного состава съ 1 запаснымъ.

Глава XVII.

Заботы Государя обѣ офицерахъ.—Блокада крѣпостей.—Прибытіе эскадрона Подполковника Красовскаго.—Дѣйствія подъ Бауцемъ.—Подвиги Юзефовича.—Успѣшная рекогносцировка.—Сраженія 8 и 9 мая.—Огстуллене союзниковъ, арріергардныхъ дѣла.—Перемиріе.—Цополненіе рядовъ полка.—Высочайшее благоволеніе Юзефовичу.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Ужасная погода.—Неожиданное сраженіе у Кацбаха.—Преслѣдованіе Макдональда.—Пожалованіе георгіевскихъ штандартовъ.—Высочайшая грамота и описание штандартовъ.—Дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля.—Дѣло подъ Лебау.—Заслуги Юзефовича.—Дѣло подъ Гоккірхеномъ и Нидеръ-Пуцкау.—Юзефовичъ—кавалеръ ордена Св. Георгія 3-й степени.—«Сраженіе пародовъ».—Общая убыль полка за 1813 годъ, пополненіе ея.

Изгнавъ Наполеона и остатки его полчищъ изъ Россіи, Императоръ Александръ Павловичъ рѣшилъ продолжать войну за освобожденіе Европы отъ власти завоевателя. Русскимъ войскамъ, не смотря на сuroвое время года и на ихъ значительное разстройство, было повелѣно продолжать наступленіе.

Вскорѣ по переходѣ чрезъ границу, Государь пришелъ на помощь воинскимъ чинамъ, понесшимъ столько трудовъ въ минувшей годъ кампіи: онъ повелѣлъ раздать всѣмъ не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованія и отпускать до возвратенія въ предѣлы Россіи порціонныя деньги. Далѣе Императоръ распорядился, чтобы всѣмъ офицерамъ, бывшимъ въ то время на лицо во фронтѣ, было построено на казенный счетъ, полное обмунированіе безъ всякихъ съ нихъ на то вычета¹⁾.

Въ началѣ года серьезныхъ дѣйствій не было—очищались только крѣпости отъ французскихъ гарнизоновъ. Полкъ Харьковскій²⁾, въ числѣ 319 человѣкъ всѣхъ чиновъ, при

¹⁾ Приказъ по арміямъ главнок. отъ 16 февр. 1813 г.

²⁾ По новому расписанию кавалеріи Харьковскій полкъ былъ назначенъ въ 3 драг. дивизіи и 1-ю бригаду.

238 лошадяхъ, съ 22 января по 1 февраля участвовалъ съ отрядомъ Г. Паскевича въ блокадѣ крѣпости Модлина (нынѣ Новогоргіевская крѣпость при селѣ Вислы съ Наревомъ), а съ 27 февраля по 24 марта въ блокадѣ крѣпости Глогау, на р. Одѣрѣ въ Силезіи, подъ стѣнами которой онъ и пробылъ до смыны русскихъ войскъ прусскими.

Въ началѣ марта въ полкѣ прибылъ запасный эскадронъ (175 человѣкъ всѣхъ чиновъ и 150 лошадей), что значительно усилило его и, главнымъ образомъ, 2 штабъ и 6 оберъ-офицерами, тогда какъ до того времени были на лицо только шефъ и 10 оберъ-офицеровъ. Командуя своднымъ полкомъ, Подполковникъ Красовскій отличился въ сраженіи подъ Калишемъ, гдѣ былъ раненъ и награжденъ орденомъ Св. Владимира 4-й степени. Причииненная ему рана, съ которой онъ все таки до конца марта оставался во фронѣ, сдѣлала его неспособнымъ продолжать службу, и онъ былъ уволенъ въ Россію для излеченія¹⁾.

Со времени ухода изъ-подъ Глогау до столкновенія союзниковъ съ войсками Наполеона подъ Бауценомъ, полку приходилось участвовать въ нѣкоторыхъ незначительныхъ по своимъ результатамъ стычкахъ, дѣйствуя въ арріергардныхъ дѣлахъ и часто не въ полномъ своемъ составѣ, а по эскадронно. За это все время только 25 апрѣля онъ потерялъ убитыми 1 рядового и 12 строевыхъ лошадей²⁾, участвуя въ числѣ войскъ Г. Милорадовича въ дѣлѣ, произшедшемъ недалеко отъ м. Носанау. Когда отступившему въ беспорядкѣ предъ французами баталіону Елецкаго егерскаго пѣхотнаго полкагрозила большая опасность быть окружеными и потерять 2 орудія, Полковникъ Юзефовичъ со своими Харьковцами, стоявшими недалеко, послѣшился на помощь егерямъ и атакою своею заставилъ непріятеля отступить, взявъ при томъ одно орудіе и 59 рядовыхъ въ пленъ³⁾. Послѣ неудач-

¹⁾ Его послужной списокъ.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Воен. Уч. арх. I, № 2134.

наго Люценскаго сраженія, русскія войска отступили къ г. Бауцену (въ Саксонії). Арріергардъ Милорадовича, въ коемъ было Харьковскій полкъ, отходя шагъ за шагомъ, удерживалъ въ продолженіи 6 дней патискъ всей арміи Наполеона. 3 мая непріятель сдѣлалъ движеніе къ Волкау и дѣйствовалъ рѣшительно; въ 1-мъ часу по полудни онъ показался въ 5 колоннахъ. Полковникъ Юзефовичъ, стоявшій съ отрядомъ конницы на лѣвомъ флангѣ, близъ д. Зейтценъ, замѣтилъ на мѣреніе французовъ обойти флангъ и рѣшился, пользуясь выгодною мѣстностью, остановить его дальнѣйшія движенія. Онъ приказалъ казакамъ, когда отрядъ, отступая, будетъ проходить чрезъ оврагъ, лежавшій впереди, оставаться въ немъ и незамѣтно укрыться. Самъ-же съ процею кавалерію, сзади которой слѣдовали Харьковскіе эскадроны, продолжалъ движение, дѣлая видъ, что хочетъ поскорѣе уйти отъ преслѣдованія. Французы, не замѣтя готовившейся имъ ловушки, ускорили движеніе и прошли оврагъ. Давъ имъ отойти отъ него на нѣкоторое разстояніе, Харьковцы, быстро повернувъ назадъ, лихо бросились въ атаку. Увлекшіеся преслѣдованіемъ, ничего того не ожидавшіе, французы пришли въ замѣшательство и остановились. Но они оправились-бы быстро, если-бы въ то время не налетѣли на нихъ съ тыла казаки съ обычнымъ своимъ крикомъ и рикомъ. Непріятель отъ этой новой неожиданности совершиенно растерялся, и въ короткое время до 500 человѣкъ ихъ было изрублено Харьковцами и казаками; пѣсолько офицеровъ и 176 человѣкъ рядовыхъ было взято въ пленъ¹⁾. Остатки непріятеля обратились въ бѣгство и укрылись въ деревнѣ, гдѣ имъ преслѣдовать было уже нельзя. Въ лихомъ этомъ дѣлѣ Харьковцы, бывшіе въ числѣ 358 человѣкъ, потеряли 4 рядовыхъ и 9 лошадей убитыми. Нашъ арріергардъ послѣ этого отошелъ къ Бауцену. На другой день также происходила стычка.

¹⁾ Ibidem.

6 мая отрядъ изъ Харьковскаго полка, Каргопольскихъ драгунъ, Татарскаго уланскаго полковъ при 6-ти конныхъ орудияхъ подъ командою Юзефовича, производилъ успенную рекогносцировку праваго фланга непріятельскаго расположения на лѣвомъ берегу р. Шире. По переходѣ рѣки, движение отряда было обнаружено непріятельскимъ ведомствомъ, занимавшимъ д. Гношицъ, но драгунамъ удалось настигнуть пѣхоту, отрѣзать ее, изрубить и взять до 20 человѣкъ въ пленъ, произведя общую тревогу въ лагерь. А Полковникъ Юзефовичъ, продолжая вести ложную атаку, обнаружилъ вполиць силы французовъ и тѣмъ окончилъ рекогносцировку.

8 и 9 мая проходило двухдневное сраженіе подъ Бауценомъ. Оно было обильно жертвами съ обѣихъ сторонъ, и выигралъ его Наполеонъ. Харьковскій же полкъ не принималъ въ немъ какого либо выдающагося участія и потерпѣлъ неописуемыя потери.

Положеніе союзниковъ, принужденныхъ отступать безъ опредѣленного плана, было плохо; у нихъ, къ тому-же не было единства. Но Наполеонъ ихъ не преслѣдовалъ энергично и не воспользовался, какъ въ былое время, плодами побѣды. Правда, у него было очень мало кавалеріи. Во время медленнаго отступленія, вслѣдствіе испорченныхъ дождями дорогъ, полкъ, находясь въ арріергардѣ, участвовалъ постоянно въ дѣлахъ и несъ потери. Уже на слѣдующій день произошло столкновеніе при Рейхенбахѣ, гдѣ гвардейскій уланскій полкъ Наполеона быль частью истребленъ, а частью взятъ въ пленъ. Харьковцы подъ Рейхенбахомъ потеряли 6 лошадей убитыми; здѣсь-же отличился Вахмистръ Алексѣевъ—онъ во время атаки врублелъ въ непріятеля и увлекъ своимъ примѣромъ нижнихъ чиновъ¹⁾). За подвигъ этотъ онъ былъ награжденъ офицерскимъ чиномъ. Такія столкновенія происходили часто. Въ дѣлахъ 13, 15 и 16-го полкъ потерялъ убитыми и безъ вѣсти пропавшими 6 нижнихъ чиновъ и 29 лошадей. Объ этой потерѣ говорить мѣсячный рапортъ, но гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно.

¹⁾ Мос. арх. оп. 208, № 45.

Дальнѣйшія военные дѣйствія были прекращены, въ силу заключеннаго, по предложению Наполеона, перемирия, что вывело союзниковъ изъ большого затрудненія. Харьковскій полкъ расположился на тѣсныхъ квартирахъ въ Гольденбергѣ (на р. Кацбахѣ). Здѣсь онъ пополнилъ свои рѣдкіе ряды 98 рекрутами и 133 лошадьми, прибывшими изъ Россіи, и еще 33 лошадьми, купленными ремонтеромъ; но и послѣ того въ полку не доставало еще 129 строевыхъ лошадей¹⁾. Пользуясь перемириемъ, для комплектованія полковъ въ Варшавскомъ Герцогствѣ формировалась «Польская резервная армія» Бенингсена, а за нею резервная армія кн. Лобанова-Ростовскаго. Воіска въ тоже время были снабжены одеждой и обувью.

Въ концѣ іюля Императоръ Александръ произвелъ смотръ войскамъ въ Ландсгутѣ. На немъ Юзефовичъ, произведенный уже за свои многократныя отличія въ чинъ генераль-маиора, удостоился получить личное Высочайшее благоволеніе за исправность полка и храбрость, которую Харьковцы постоянно показывали въ бояхъ.

Съ открытиемъ военныхъ дѣйствій Силезская армія пылкаго Блюхера, въ коей состоялъ корпусъ гр. Ланжерона, гдѣ былъ Харьковскій полкъ, начала ходить то назадъ, то впередъ, имѣя частыя столкновенія съ французами. Когда Макдональдъ отступалъ отъ Кацбаха къ р. Боберу, Блюхеръ сѣдовалъ за нимъ; когда непріятель переходилъ въ наступленіе, Силезская армія отходила къ р. Йуеру. Такъ продолжалось до 14 августа, когда неожиданно для обѣихъ сторонъ разыгралось генеральное сраженіе. Погода все это время стояла ужасная, проливной дождь лилъ съ утра до вечера и размылъ глинистую почву до невозможности; съ великимъ трудомъ можно было вытягивать ноги изъ липкой засасывающей грязи. Кавалерія въ послѣдніе дни находилась постоянно въ движеніе и была сильно измучена. Люди промокали до

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

костей, высунуться было негдѣ, спать приходилось въ грязи и въ водѣ. Небольшія горныя рѣчки, не представлявши въ обыкновенное время никакого затрудненія для переправы, отъ безпрестанныхъ дождей переполнились и посносили мосты. Стоявши сильные густые туманы не позволяли производить дальнихъ разыѣздовъ, и слѣдствіемъ этого было, что обѣ враждующія стороны, пологая другъ друга въ полномъ отступлениѣ и разсчитывая настигнуть врага, неожиданно столкнулись на Кацбахѣ.

Когда выяснилось наступленіе французовъ, корпусъ Ланжерона расположился на высотахъ на лѣвомъ берегу р. Бѣшенная Нейсе (впадаетъ въ Кацбахъ), коя въ то время вполнѣ оправдывала свое название. Эта рѣка раздѣляла поле сраженія пополамъ—на правой ея сторонѣ действовали корпуса нѣмецкій Йорка и русскій Сакена. И въ день сраженія погода стояла ужасная, туманная, дождь продолжалъ лить, какъ изъ ведра, и совершило размыть почву. На правой сторонѣ Нейсы союзные корпуса одержали побѣду, но на лѣвой въ началѣ боя дѣла были плохи—Ланжеронъ большую часть своей батарейной артиллеріи оставилъ на Яуэрѣ, почему, будучи слабѣе непріятеля и сильно тѣснѣмый, принужденъ былъ отходить назадъ. Къ тому-же отъ Г.-М. Юзефовича¹⁾ получено было извѣстіе о наступленіи непріятельскихъ колоннъ на Шенай, что угрожало обходомъ его лѣваго фланга. Но одержанная побѣда на правомъ берегу Нейсы и во время подоспѣвшая помощь перемѣнили обстоятельства, и французы были побѣждены также и на лѣвомъ. Побѣда была въ этотъ день одержана полная.

Дождь продолжалъ лить, была очень темная ночь, а «опрометчивый рубака» (Handengen), неутомимый Блюхеръ отдалъ приказаніе тотчасъ-же переправляться чрезъ Кацбахъ и преслѣдоватъ непріятеля. Но исполнить это приказаніе изъ трехъ корпусовъ удалось только Ланжерону, и онъ по мосту

¹⁾ Богдановичъ. Ист. войны 1813 г., II, ст. 64.

у Гольдберга перешелъ рѣку. Темная ночь, глубокая и быстрая рѣка не позволили того сдѣлать Йорку и Сакену. Харьковскій полкъ, еще до разсвѣта перейдя Кацбахъ, на сколько позволяли утомленіе и разгрязненная почва, спѣшился совмѣстно съ Кіевскими драгунами нагнать отступавшихъ французовъ. Дорога почти силою была усыпана мертвыми, умиравшими и отсталыми, не имѣвшими уже силъ вытягивать ноги изъ глубокой грязи. Эти несчастные безпомощно валялись на землѣ. Поспѣшило отступая, французы бросали орудія, зарядные ящики. Но, какъ они и не спѣшили, пѣхота ихъ по подобной дорогѣ не могла уйти далеко. Въ 5-ти верстахъ отъ Кацбаха у с. Пильгримсдорфѣ Эммануэль нагналъ непріятельскій арріергардъ. Драгуны быстро покончили съ нимъ: онъ имъ оказалъ очень слабое сопротивленіе. Отбито было 6 орудій и взято 1200 человѣкъ въ пленъ¹⁾; остальные разсѣяны. Въ дѣлѣ этомъ Харьковцы потеряли убитыми Штабсъ-Капитана Пасенко, 1 рядового и 2 лошади, ранены были Вахмистръ Дороховъ и несколько рядовыхъ²⁾. За отличие въ дѣлѣ у Кацбаха Харьковскому полку была пожалована высшая награда—штандарты, украшенные на верху, въ копѣ, георгіевскими крестами, съ надписью «за отличие противъ непріятеля въ сраженіи у Кацбаха 14 августа 1813 года»³⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Три георгіевскихъ штандарта (по одному въ каждый дивизіонъ), пожалованные Императоромъ I, препровождены были въ полкъ (что видно изъ приводимой ниже грамоты) лишь годъ спустя послѣ восшествія на престолъ Императора Николая I. Причина столь поздней присыпки неизвѣстна. Штандарты были пожалованы полку при слѣдующей грамотѣ:

ВОЖЕЮ МИЛОСТЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОРЬ И САМОДЕРЖЕЦЬ ВСЕРОССІЙСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая,
НАШЕМУ Харьковскому Драгунскому полку.

«Въ награду знаменитыхъ подвиговъ, мужества и храбости, оказанныхъ въ минувшую достославную войну противъ французскихъ войскъ, пожалованные саму полку

Правильнѣе было бы написать «15 Августа за преслѣдованіе...», ибо 14 Харьковскій полкъ ровно ничѣмъ не отличился, не понесъ никакихъ потерь и во время сраженія почти все время находился въ резервѣ; ни одинъ изъ его чиновъ, собственно за 14 августа, не заслужилъ ни георгіевскаго креста, ни какихъ-либо другихъ наградъ. Но если у Кацбаха Харьковцы ничѣмъ себя выдающимся не заявили, то давно обратили на себя вниманіе начальства своими постоянными успѣхами въ сраженіяхъ, своею стойкостью въ бояхъ, своею исправностью, рвениемъ и беззавѣтнымъ служеніемъ. Все это, вмѣстѣ взятое, заставило начальство просить для него награды. Цесаревичъ Константина Павловича въ рапортѣ своемъ къ Барклай-де-Толли (отъ 13 сентября) писалъ: «Г.-Ад. Корфъ свидѣтельствуетъ, что полки Киевскій и Харьковскій драгунскіе и Черниговскій конно-егерскій съ открытиемъ войны съ французами заслужили общую репутацію всегдашнею храбростью и устройствомъ во всѣхъ сраженіяхъ противъ непріятеля и въ доказательство того означали себѣ отбитіемъ у непріятеля трофеевъ, просить въ

Всѣ почивающимъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ шандарты, съ изображеніемъ ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, ПОВЕЛѢВАЕМЪ, по прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сей грамоты ПАШЕЙ, употреблять на службу НАМЪ и Отечеству съ вѣриностью, усердiemъ и храбростью, Россійскому воинству толико свойственными.

Пребываю къ вамъ ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостью благосклонны».
На подлинной собственноручной Его Императорскаго Величества рукою написано:
„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ
мая 25 дня 1826 года.

Полученные полкомъ шандарты были сдѣланы изъ шелковой матеріи зеленаго цвета; по серединѣ шиты позолоченнымъ серебромъ двуглавые орлы съ коронами; въ верхніхъ углахъ полотна—лучи, тоже съ коронами; по угламъ вензеля Императора Александра I; вокругъ надпись: «за отличие противъ непріятеля въ сраженіи у Кацбаха 14 августа 1813 года». На древкахъ мѣдные копья съ мѣдными же георгіевскими крестами. Къ каждому шандарту двѣ георгіевскія ленты съ кистями; на скобахъ надписи: «1851 года Харьковскій казачій полкъ, 1815 (?) года» «за отличие противъ непріятеля въ сраженіи у Кацбаха 14 августа 1813 года».

Описание шандартовъ взято изъ квитанцій кіевскаго арсенала (1851 г. за № 412) въ принятии этихъ шандартовъ на храненіе, послѣ пожалованія полку въ томъ году новыхъ.

сравненіи съ прочими отличившимися полками въ прощреніе и на будущее время къ службѣ обѣ исходатайствованіи имъ у Его Императорскаго Величества знаковъ отличія¹).

Г.-М. Юзефовичъ за 14, 15 и 16 августа, въ теченіи которыхъ онъ со своимъ отрядомъ взялъ въ плѣнъ юѣско-кихъ офицеровъ и множество рядовыхъ, былъ награжденъ шпагою, украшеніемъ алмазами²).

Преслѣдованіе непріятеля было самое успѣшное, трофеями были масса пленныхъ и 18 орудій. Этимъ Ланжеронъ загладилъ свою оплощенность 14 августа. Преслѣдованіе продолжалось. 17 августа солице выглянула въ первый разъ послѣ долгаго времени ужаснаго циастя. Въ этотъ день была уничтожена дивизія Пютѣ, чьму много способствовали Харьковцы и Кіевцы подъ начальствомъ Эммануэля, отрѣзавъ ей путь отступленія къ Бунцлау³). Преслѣдованіе, пріостановленное было на некоторое время, продолжалось. 28-го августа въ дѣль подъ Лебау Г.-М. Юзефовичъ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ (отъ корпуса гр. Сен-Приеста), выказалъ необыкновенную дѣятельность въ размѣщеніи авангардныхъ форпостовъ. Онъ однимъ своимъ искусствомъ движениемъ съ Харьковцами и казаками прогналъ при частупленіи на Гернгутъ непріятеля изъ Штраувальда до Котмаредорфа. Неожиданно также появясь на правомъ флангѣ французовъ, ввелъ непріятеля въ большое заблужденіе относительно нашихъ силъ и заставилъ его опасаться быть отрѣзаннымъ отъ Лебау, что болѣе всего и понудило Кн. Понятовскаго ретироваться къ Бауцену. Эта громадная заслуга Юзефовича, такъ часто уже выскаживавшаго свои недолжныя способности, сдѣлалась извѣстною изъ письма ки. Понятовскаго къ начальнику штаба Наполеоновскихъ войскъ, перехваченнаго нашими разведѣзами⁴). За это славное дѣло 28 августа, когда въ Харьковскомъ полку

¹⁾ Мос. арх. оп. 208, кн. 52.

²⁾ Ibidem № 30.

³⁾ Богдановичъ. Ист. в. 1813 г., II, ст. 75.

⁴⁾ Мос. арх. оп. 208, № 30.

пропало лишь безъ вѣсти 2 рядовыхъ и 7 строевыхъ лошадей¹⁾, Юзефовичъ быль награжденъ орденомъ Св. Анны 1-ой степени. Въ этотъ день отличилъ себя также командръ эскадрона Капитанъ Галаганъ. «Сей отличный офицеръ», только что излечившися отъ прежнихъ ранъ, быль все время на аванпостахъ и въ дѣлахъ, а 28-го пробрался съ эскадрономъ въ тылъ позиціи²⁾, чѣмъ не мало способствовалъ введенію непріятеля въ заблужденіе. На другой день, когда преслѣдованіе Макдональда продолжалось лишь передовыми войсками, Юзефовичъ въ дѣлѣ подъ г. Гохкирхеномъ снова дѣйствовалъ очень успѣшно. Онъ со своею кавалеріею угрожалъ лѣвому флангу непріятельского аррігарда и быстро преслѣдовалъ его до самаго Бауцена.

Особенно-же отличился и обратилъ на себя вниманіе Дмитрій Махайловичъ Юзефовичъ въ двухъ дѣлахъ при г. Нидеръ-Пуцкау, командуя отрядомъ изъ трехъ драгунскихъ полковъ (Харьковскій, Новороссійскій, Митавскій). 1-го сентября его драгуны, настигнувъ въ лѣсу три баталіона французовъ, атаковавъ ихъ, искрошили совершенно—ни успѣль ни одицъ изъ непріятелей; множество было перерублено, множество взято въ плѣнъ. 8 нижнихъ чиновъ Харьковскаго полка особенно отличились въ этой схваткѣ и были награждены георгіевскими крестами. За это лихое дѣло Юзефовичъ, состоя уже кавалеромъ ордена Св. Георгія 4-го класса, быль награжденъ та-ковымъ-же 3-го. Его неусыпная дѣятельность, личная храбрость и благоразумная распорядительность, которую онъ постоянно выказывалъ, находясь впереди, чрезвычайно содѣствовали успѣхамъ всего корпуса³⁾. Кроме Юзефовича, подъ Нидеръ-Пуцкау отличился известный уже Капитанъ Галаганъ. Онъ, 1-го сентября, (Харьковскій полкъ въ этотъ день потерялъ убитыми 5 нижнихъ чиновъ и 32 лошади) ходилъ со своимъ эскадрономъ въ жестокія атаки на непріятельскіе ба-

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Мос. арх. оп. 208, № 30.

³⁾ Ibidem № 30, св. № 10.

таліоны; врубливаясь въ нихъ, онъ своимъ хладнокровіемъ много содѣствовалъ пораженію французовъ и быль раненъ пулкою въ руку на вылѣсть. Галаганъ быль награжденъ орденомъ Св. Владимира 4 степени. Не уступая въ храбрости Галагану, отличились при этомъ, врубливаясь въ самую средину колоннъ, штабсъ-капитаны Плужанскій и Слановскій, уже ранѣе награжденные за отличие золотымъ оружіемъ, Штабъ-Капитанъ Кучепевъ и Прапорщикъ Демянскій—всѣ эти офицеры также получили награды¹⁾. Ранено было въ этотъ день 2 унтеръ-офицера и вахмистръ.

3-го сентября въ дѣлѣ подъ Нидеръ-Пуцкау было въ полку убито 3 лошади.

Послѣ этого до самаго Лейпцигскаго сраженія ничего выдающагося не случилось. Полкъ участвовалъ въ небольшомъ дѣлѣ 9 сентября при Штолленѣ и 14-го, потерявъ убитыми 1 рядового и 3 лошади. Въ концѣ сентября около кр. Торгау (на р. Эльбѣ) Харьковцы участвовали (23-го) при взятіи 3-хъ укрѣпленныхъ блокгаузовъ и 400 человѣкъ въ плѣнъ. Въ это-же время полкомъ быль перехваченъ курьеръ, везшій въ Дрезденъ деньги отъ Наполеона. 26-го полкъ, состоя въ передовомъ отрядѣ Юзефовича, переправясь чрезъ р. Мульду въ бродъ, вытѣснилъ сильный отрядъ непріятельской пѣхоты изъ г. Эйленбурга. Разъѣздъ полка доставилъ важнѣйшія свѣдѣнія Блюхеру о движениіи Наполеона отъ Дрездена къ Лейпцигу. Въ этотъ-же день полкъ имѣлъ другое столкновеніе съ непріятелемъ, долго его удерживалъ, взять въ плѣнъ 60 человѣкъ, потерявъ лишь 2 лошади убитыми²⁾. Въ столкновеніи съдѣдующаго дня были убиты 1 рядовой и 16 лошадей, 2 драгуна съ лошадьми пропало безъ вѣсти³⁾.

Война 1813 года закончилась знаменитою «битвою народовъ» подъ Лейпцигомъ, где окончательно было сломлено могущество Наполеона. 3 октября войска обѣихъ сторонъ на-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Ibidem.

чали сосредоточиваться къ Лейпцигу, который не первый уже разъ былъ свидѣтелемъ жестокихъ битвъ. Но разыгравшееся 6 и 7 октября побоище превзошло всѣ прежнія количествомъ участниковъ въ немъ войскъ и громаднымъ числомъ жертвъ. До генерального Лейпцигскаго боя произошло сраженіе при г. Мекернѣ, лежащемъ съвериѣ. Къ этому дню союзники не успѣли сосредоточить еще всѣхъ своихъ войскъ. Харьковскій полкъ состоялъ по прежнему въ корпусе Ланжерона, въ Селезской арміи и въ день этотъ былъ въ отрядѣ Г.-М. Эммануэля, участвовалъ въ атакѣ польскихъ эскадроновъ, окончившейся ихъ пораженіемъ, взятіемъ 7 орудій и 500 человѣкъ въ пленъ. День 5 октября прошелъ въ бездѣйствіи; съ обѣихъ сторонъ были лишь самыя незначительныя стычки. Но на слѣдующій, когда стягиваніе войскъ было окончено, Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе и отступилъ къ Лейпцигу. Полкъ Харьковскій въ началѣ боя, состоя въ бригадѣ Эммануэля (Харьковскій и Киевскій), находился на правомъ флангѣ расположения войскъ за р. Шартою, составляя авангардъ Г. Рудзевича. Къ 11 часамъ Эммануэль, перейдя эту рѣку, подошелъ къ д. Гейтеръ-Бликѣ съ казаками Платова. Здѣсь русскіе полки были атакованы саксонцами (числомъ до 700 человѣкъ), но легко были отбиты. Отскакавъ назадъ и устроившись, саксонцы снова пошли на драгунъ и казаковъ. Но на этотъ разъ была не атака—они не вынимали даже сабель. Подскакавъ и остановившись недалеко отъ фронта русскихъ полковъ, саксонцы привѣтствовали ихъ радостными криками и передались на сторону союзниковъ.

7-го Лейпцигъ былъ взятъ штурмомъ, а армія французовъ отступила за Рейнъ.

Мѣсячные рапорты не показываютъ, были-ли какія либо потери въ Харьковскомъ полку. Въ два-же дни боя изъ рядовъ союзниковъ выбыло 50 тысячъ, изъ коихъ 22—пришлось на долю русскихъ. Равнымъ образомъ, неизвѣстно, что дѣлали полкъ въ дни битвы подъ Лейпцигомъ. Но что

Харьковцы принимали дѣятельное участіе видно изъ тѣго, что Юзефовичъ, лично командовавшій въ тѣ дни полкомъ, отличился и былъ награжденъ орденомъ Св. Анны, осмыканнымъ алмазами, что въ числѣ отличившихся показанъ Штабсъ-Капитанъ Плужанскій¹⁾, въ числѣ раненыхъ Поручикъ Синчинскій (штыкомъ въ лѣвую руку). Этотъ офицеръ, бывшій всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, былъ уже раненъ по счету въ четвертый разъ²⁾.

Въ теченіи всего 1813 года полкъ потерялъ убитыми въ сраженіяхъ 1 офицера и 19 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропавшими 4; убитыми лошадей 128, а съ палыми отъ ранъ 168. Всѣдѣствіе убыли людей за разными командиновками, умершими и болѣвшими, ряды полка, доведенного къ тому времени до 5-ти эскадроннаго состава, порѣдѣли снова настолько, что въ октябрѣ на лицо, послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, было 570 человѣкъ всѣхъ чиновъ. По Высочайшему повелѣнію одинъ эскадронъ полка былъ расформированъ (2-й по старшинству) и послѣ на усиленіе прочихъ четырехъ. Но въ декабрѣ на пополненіе полка Штабсъ-Капитанъ Еозловскій привѣль резервный эскадронъ (изъ формированныхъ Г. Кологризовымъ) въ числѣ 174 нижнихъ чиновъ и 176 строевыхъ лошадей; кромѣ того, еще было куплено полкомъ 25 лошадей. Прибыли еще 9 человѣкъ, пропавшихъ безъ вѣсти во время прохода въ 1812 году чрезъ Москву, и 4 изъ пленя; всего, значитъ, прибыло 187 человѣкъ и 201 лошадь³⁾.

¹⁾ Мос. арх. оп. 208, № 6 и св. 1, № 10.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Мос. раб. пол.

Глава XVIII.

Состав отряда, назначенного блокировать кр. Мецъ, его обязанности.—Декреты Наполеона.—Преслѣдованіе партизановъ.—Отличившіеся.—Вылазки изъ крѣпости.—Сраженіе 10 марта.—Отличившіеся въ немъ.—Ночное нападеніе на Гравеллотъ.—Его послѣдствія.—Сдача крѣпости.—Подвигъ рядового Егора Чернышева.—Окончаніе войны.—Обратный походъ.

Пораженіемъ Наполеона подъ Лейпцигомъ и отступленіемъ его за Рейнъ война не окончилась. Союзные монархи рѣшили внести ее въ предѣлы Франціи и совершили покончить съ Императоромъ французовъ. Въ началѣ года Харьковскій полкъ, состоя по прежнему въ Селезской арміи Блюхера—«фельдмаршала Vorwärts», считался въ кавалерійскомъ корпусѣ Г.-Ад. барона Корфа, въ 4-ой драгунской дивизіи Г.-М. Эммануэля. По переправѣ чрезъ Рейнъ, границу тогдашней Франціи, изъ селезской арміи бытъ отдѣленъ отрядъ для блокирования кр. Мецца, находящійся при слияніи рр. Сейля и Мозеля. Отрядъ, командование которымъ было поручено Г.-М. Юзефовичу, состоялъ изъ Брестского и Вильменстрансаго пѣхотныхъ полковъ, 6 орудій легкой артиллериійской роты № 33, Харьковскаго драгунскаго, 4-го Украинскаго регулярнаго и донскаго (Кутейникова 8) казачихъ полковъ. Харьковскимъ полкомъ, въ коемъ въ то время не были ни единаго штабъ-офицера, командовать извѣстный уже своею храбростью Капитанъ Галаганъ.

Съ 25-го января отрядъ Юзефовича обложилъ Мецъ и началъ наблюдать за крѣпостями Верденъ на р. Маасъ, Монмеди и Лонгви, лежащими съвериѣ. Кромѣ этихъ крѣпостей, нашему отряду пришлось имѣть еще дѣла и съ жителями

края, взволнованными декретами Наполеона, призывающими народъ къ ноголовному восстанию. Императоръ французовъ думалъ прибѣгнуть къ той-же народной войнѣ, которая вспыхнула въ Россіи и такъ способствовала къ пораженію его Великой Арміи. Но декреты эти имѣли слабое дѣйствіе, и лишь только въ пѣкоторыхъ мѣстахъ начали появляться толпы вооруженныхъ крестьянъ. Въ районѣ, где дѣйствовалъ Юзефовичъ, большую склонность къ восстанию оказали жители Вуаврской области, въ окрестностяхъ гг. Нефшато и Вакулерь. Для подавленія волнений и разсѣживанія партизановъ, угрожавшихъ сообщеніямъ армій и столицъ Лотарингіи, отрядъ высыпалъ небольшія команды¹⁾, именовавшіяся «подвижныя колонны». Въ этихъ экспедиціяхъ особенно отличилъ себя, командуя эскадрономъ, Харьковскаго полка Капитанъ Рыбоютовскій. Онъ неутомимо гонялся по громаднымъ лѣсамъ, которыми изобиловала тогда Лотарингія, за партизанами, напослѣдними большой вредъ нашимъ транспортамъ и вагенбургу; онъ разсѣивалъ ихъ шайки и ловилъ пейзановъ, изъ коихъ многихъ декреты побудили лишь къ разбою. Отличился также и Штабъ-Капитанъ Малиновскій, котораго Юзефовичъ атtestовалъ «подающимъ большія надежды»²⁾. Этотъ офицеръ состоялъ въ подвижной колоннѣ Маюра Денаса (прикомандированнаго къ полку на время войны), который наблюдалъ очень успѣшино за крѣпостями Верденъ и Лонгви, изъ коихъ первую склонилъ къ покоренію; удерживалъ населеніе отъ въозмущенія, отбивалъ покушенія партизановъ и разсѣивалъ разбойниковъ.

Въ теченіи 65 дней (съ 25 января по 29 марта) блокирования Мецца изъ нихъ было произведено 16 почныхъ и 38 деревенскихъ вылазокъ, отражать кои приходилось отряду. Эти частыя вылазки держали войска постоянно въ напряженномъ состояніи, что дѣлало службу въ передовой цѣпи очень тяжелою и мучительною.

¹⁾ Мос. арх. оп. 208, кн. № 103.

²⁾ libdem.

Сначала и до снятия блокады въ передовой цѣпи находился съ эскадрономъ Штабсъ-Капитанъ Спановскій, заслуженный и испытанный храбрости офицеръ. Онъ неусыпно наблюдалъ за непріятелемъ, не просмотрѣль ни одного его движения, чтобы во время о немъ не предупредить, и постоянно наносилъ ему уронъ.

При вылазкѣ 11 и 19 февраля было убито и пропало безъ вѣсти Харьковскаго полка 13 драгунъ и 19 лошадей¹⁾; число раненыхъ людей и лошадей—неизвѣстно.

Важнѣйшее дѣло, кое заслуживаетъ названіе сраженія, разыгралось подъ Меномъ 10 марта. Въ этотъ день губернаторъ крѣпости, гр. Дюрють, въ силу инструкціи, полученной отъ Наполеона, объявилъ себѣ «главнокомандующимъ мозельскимъ корпусомъ, дѣйствующимъ въ полѣ» и, неожиданно, дѣйствительно, выступилъ изъ крѣпости въ числѣ 10 тысячъ и 20 орудій. Отрядъ Юзефовича, разсѣянный въ то время небольшими командами по краю для подавленія восстанія, могъ его встрѣтить на аванпостахъ при с. Муленъ въ числѣ лишь 1856 человѣкъ при 6 орудіяхъ. Въ 9 часовъ утра непріятель овладѣлъ позиціею, угрожалъ заходомъ въ тылъ (чрезъ Гравеллотъ) и превосходными силами повелъ атаку на всѣ пункты. Тогда Капитанъ Галаганъ съ двумя эскадронами поспѣшилъ на Гравеллотъ и удерживалъ непріятеля, стараясь пробраться чрезъ цѣпь стрѣлковъ, чтобы прервать сообщеніе съ лѣвымъ флангомъ, гдѣ дѣйствовала наша пѣхота и гдѣ особенно отличился Прапорщикъ Смирновъ, бывший съ охотниками во фланкерахъ. Подъ нимъ было убито 2 лошади, самъ онъ—раненъ и контуженъ въ лѣвую ногу. Галаганъ предусмотрительно занялъ кавалерійскими постами важнѣйшіе пункты, успѣшио отражая непріятеля и не допустилъ зайти въ тылъ. Этому успѣху много способствовалъ эскадрономъ Штабсъ-Капитанъ Переяславцевъ, бросившійся въ атаку на непріятельскую пѣхоту и обратившій ее въ бѣг-

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

ство, и капитанъ Рыбалтовскій, стоявший въ резервѣ съ эскадрономъ—онъ, во время общей атаки, при с. Арсѣ обратилъ въ бѣгство непріятельскую колонну, занесенную было въ тылъ⁴). Но, тѣмъ не менѣе, паникъ отрядъ, несмотря на некоторые отдельные усиѣхи, подавляемый многочисленнымъ непріятелемъ, долженъ былъ отступить. Отступивъ онъ въ порядокъ и вечеромъ, выигравъ уже сраженіе тѣмъ, что не позволилъ себѣ уничтожить. Древній замокъ при с. Арсѣ—на Мозелѣ—служилъ сплошнымъ прикрытиемъ нашему стройному отступленію. Когда, при этой деревнѣ, непріятельская пѣхота, поддержанная артиллерию, сильно потеснила нашу, то ея отступленіе прикрывалъ съ эскадрономъ Штабсъ-Капитанъ Спановскій. Находясь все время подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, онъ стойко отбивалъ нападенія и время отъ времени, поворачиваясь назадъ, самъ набрасывался на французовъ; при этомъ онъ получилъ сильную контузію.

Въ сумеркахъ отрядъ остановился на бивакѣ при с. Апсеу, а непріятель, болѣе настѣ не преслѣдовавшій, занялъ лагерь при с. Арсѣ. Разыѣзы Харьковскаго полка доносили Юзефовичу, что главная колонна непріятеля, направленная во время боя на Гравеллотъ, возвратилась оттуда, оставивъ тамъ только небольшую часть пѣхоты съ эскадрономъ кирасиръ. Этого оплошностию Юзефовичъ рѣшился воспользоваться и нанести французамъ пораженіе. Для этой цѣли онъ послалъ туда подъ начальствомъ Майора Дамаскина двѣ роты Брестскаго пѣхотнаго полка и два эскадрона Харьковцевъ. Отрядъ этотъ выполнилъ возложенное на него порученіе съ полнымъ успѣхомъ—непріятель былъ разбитъ и разсѣянъ совершенно. Въ ночной этой экспедиціи болѣе другихъ способствовалъ успѣху и отличился со своимъ эскадрономъ Штабсъ-Капитанъ Плужанскій, хорошо извѣстный уже по прежнимъ дѣламъ. Юзефовичъ за выдающіеся качества аттестовывалъ его, какъ по дающимъ «впередъ великия надежды». Кромѣ уничтоженія не-

⁴⁾ Мос. арх. оп. 208, № 103.

пріятельского отряда, эта ночная экспедиція имѣла своимъ ближайшимъ слѣдствіемъ то, что «главнокомандующій Мозельскимъ корпусомъ, дѣйствующимъ въ полѣ», думая, что русские получили сильное подкѣපленіе, съ болышию поспѣшностю въ 3 часа утра ретировался обратно въ Мецъ. При этомъ казаки Кутейникова, перейдя р. Мозель вбродъ, напали еще на арріергардъ и обратили его въ бѣгство, захвативъ въ плѣнъ около ста человѣкъ. Послѣ этого запуганный окончательно Дюрютъ заперся въ крѣпости со своимъ корпусомъ, «дѣйствующимъ въ полѣ».

Французамъ день 10 марта стоилъ убитыми: Полковника Дюгамеля, 18 офицеровъ и болѣе 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ; намъ—убитыми: 2 офицера, 25 нижнихъ чиновъ и 44 лошади, ранеными: 6 офицеровъ и 112 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ Харьковскомъ полку убитъ былъ 1 драгунъ и 18 лошадей; число раненыхъ, кромѣ упомянутыхъ офицеровъ—неизвѣстно (изъ тяжело раненыхъ лошадей вскорѣ пало 8) ¹⁾.

Сраженіе это обезпечило оборону Лотарингіи, было начатомъ и концомъ дѣятельности Мозельскаго корпуса и, кроме того, имѣло громадное подавляющее влияніе на партизановъ.

Во все время блокированія крѣпости Юзефовичъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно. Находясь въ непосредственной зависимости у Блюхера, онъ не получалъ отъ него ровно никакихъ приказаний. Всѣ его донесенія и запросы оставались безъ отвѣта, и Юзефовичъ находился въ полной неизвѣстности о своемъ начальствѣ ²⁾). А, тѣмъ не менѣе, отъ этого важнаго поста зависѣла цѣлость Лотарингіи и коммуникація армій, особенно, когда пламя восстанія начало разгораться въ странѣ, а гарнизонъ крѣпости обратилъ бы въ полевої корпусъ.

Послѣ сраженія 10 марта блокада крѣпости продолжалась. 19 марта союзные монархи торжественно вступили въ Па-

рижъ, а чрезъ 10 дней послѣ того сдалась и покоренная крѣпость Мецъ. Въ день Св. Воскресенія губернаторъ Дюрютъ подписалъ конвенцію покоренія Меца, и Юзефовичъ въ ту же минуту отправилъ ее для представленія Императору Александру Павловичу ¹⁾.

Въ представленіи своемъ объ отличившихъ Юзефовичъ, кромѣ приведенныхъ выше и награжденныхъ уже золотымъ оружіемъ, упоминается еще о 9 офицерахъ Харьковскаго полка.

Въ неудачномъ для насъ дѣлѣ 3 марта подъ Реймсомъ, Г.-Ад. гр. Сенъ-Преѣсть, тяжело раненый осколкомъ гранаты, раздробившемъ ему плечо, упалъ съ лошади. Бывшій при немъ ординарцемъ Харьковскаго полка рядовой Егоръ Чернышевъ, въ самомъ сильномъ отѣ, рискуя своею жизнью, быстро соскочилъ съ коня, на своихъ плечахъ вынесъ изъ сраженія и спасъ раненаго корпуснаго командира. Гр. Ланжеронъ произвелъ за этотъ подвигъ Чернышева въ унтер-офицеры ²⁾. Рядовой этотъ уже былъ украшенъ георгіевскимъ крестомъ за отличие, выказанное имъ въ бою подъ Смоленскомъ.

Война за освобожденіе была кончена, престолы возстановлены. Наполеонъ, виновникъ такъ много пролитой въ Европѣ крови, палъ. Русская армія, сломившая геніального въ мірѣ полководца, нуждалась въ отдыхѣ—она заслужила, чтобы почтить на лаврахъ. Кто могъ въ Европѣ отважиться тогда помѣриться съ ней силою! И русскія войска, покрывъ свое оружіе неувядаемой славой, возвеличивъ свою родину, пошли домой.

По расписанію арміи, составленному предъ возвращеніемъ изъ предѣловъ Франціи, Харьковскій полкъ былъ назначенъ, оставаясь въ 4-ой драгунской дивизіи, въ корпусѣ принца Евгенія Виртембергскаго, въ 1-й кавалерійской кор-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Его форм. списокъ.

путь Г.-Л. Палена 3-го¹⁾). Выступивъ въ первыхъ числахъ апрѣля подъ командою Капитана Галагана²⁾, Харьковцы лишь 9 октября пришли въ г. Черный Островъ, Подольской губ., Проскуровскаго повѣта, гдѣ расположились на зимнія квартиры и отдыхали, отдыхали....

На походѣ на усиленіе полка прибыли три резервныхъ эскадрона изъ числа сформированныхъ изъ рекрутъ Г. Коллоривовыми: одинъ въ іюнѣ, два въ сентябрѣ; съ ними въ полкъ поступило 624 человѣка всѣхъ чиновъ и 725 лошадей. Это дало возможность довести полкъ до штатнаго 6-ти эскадроннаго состава съ 7-мъ запаснымъ (1639 человѣкъ 1254 лошадей). Изъ полка, впрочемъ, были выключены, на основаніи приказа главнокомандующаго Барклай-де-Толли, всѣ находившіеся въ долговременныхъ командировкахъ и отлучкахъ, но остававшіеся въ спискахъ; таковыхъ набралось 132 человѣка³⁾.

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 2334.

²⁾ Въ походѣ выступило 649 человѣкъ всѣхъ чиновъ и 619 лошадей Г.-М. Юзловичъ некоторое время оставался комендантомъ г. Нанси; возвратился въ сентябрѣ.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

Глава XIX.

Состояніе полка по возвращеніи изъ похода.—Временное сокращеніе числа лошадей.—Лишепіе офицеровъ права пользоваться казенными лошадьми.—Разорительное цгольство.—Перемѣна во взглядахъ на кавалерійскую службу.—Увлеченіе мавежемъ.—Годежаніе лошадей.—Послѣдствія увлеченія.—Составъ офицеровъ 1817 года.—Наказанія.—Приказы Императора Александра I и Барклай-де-Толли.—Ограбленіе тѣлесныхъ наказаній.—Шашкруты.—Описание и казанія ими — «роки службы».

Харьковскому полку, какъ и всѣмъ другимъ, по возвращеніи на родину, предстояло много работы, чтобы привести себя въ надлежащій порядокъ. Почти заново нужно было завести всю хозяйственную часть, ремонтировать себя лучшими лошадьми, такъ какъ множество изъ приведенныхъ съ резервными эскадронами не соотвѣтствовали требованіямъ отъ кавалерійской лошади. Если-же въ полкахъ и уцѣлѣли немногія изъ старыхъ, то всѣ они были надорваны усиленными трудами, разбиты форсированными маршрутами и сильно просились въ отставку. Всѣ почти старые солдаты, знаменитые ветераны походовъ и битвъ, выбыли изъ рядовъ, или сложивъ свои головы на полѣ чести, или павъ жертвами болѣзней. Нѣкоторые-же изъ остававшихся, покрытые ранами, подлежали увольненію изъ службы. Полкъ почти цѣликомъ по этому состоялъ изъ рекрутъ. И предстояло много положить трудовъ, чтобы воспитать ихъ и обучать военному дѣлу.

Такъ какъ въ высшей степени было трудно въ короткое время пріобрѣсти громадное число лошадей, на что, впрочемъ, не доставало и средствъ, то послѣдовало распоряженіе о временномъ сокращеніи въ полкахъ числа строевыхъ лошадей. Полкамъ предоставлено было право

уменьшить въ каждомъ взводѣ число рядовъ съ 20 до 16. Указъ только требовалъ, чтобы полки, содержа полностью лошадей для всѣхъ унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ, въ періодъ лѣтніхъ занятій (съ 15 апрѣля по 15 октября) все таки были бы въ полномъ штатномъ числѣ. Фуражныя же деньги продолжались отпускаться по числу 1254 строевыхъ лошадей; по этому, вслѣдствіе ихъ сокращенія на 224, въ каждомъ полку должна была образоваться довольно значительная сумма, которая увеличивалась еще присоединеніемъ къ неї денегъ, вырученныхъ отъ продажи забракованныхъ лошадей. Благодаря этой разумной мѣрѣ, не шедшей въ ущербъ образованію войскъ, полки получили возможность постепенно пополнить ряды свои хорошимъ конскимъ составомъ, безъ особыхъ затратъ со стороны казны.—«Я возлагаю отвѣтственность, говорилось въ указѣ, на дивизіонныхъ и бригадныхъ начальниковъ и на командировъ полковъ, чтобы полки имѣли наиболѣе и статныхъ лошадей.... Въ драгунскихъ (полкахъ) стараться имѣть лошадей темной шерсти, трубачамъ же быть на сѣрыхъ»¹⁾. Такимъ образомъ, къ 17 апрѣля 1817 года всѣ кавалерійскіе полки явились вполнѣ обновленными, сидящими на хорошихъ заводскихъ лошадяхъ и въ полномъ штатномъ числѣ, которое, впрочемъ, было нѣсколько уменьшено сокращеніемъ числа рядовъ во взводахъ до 18-ти. Не малымъ облегченіемъ для полковъ явилась отмѣна практиковавшагося со времени Императора Павла закона давать офицерамъ лошадей изъ ремонта въ полную ихъ собственность. Но отмѣна эта, выгодная для полка, принесла большой ущербъ благосостоянію кавалерійскихъ офицеровъ. При развитомъ тогда между ними щегольствѣ, когда сукно стоило по 9 р. за аршинъ, когда все дѣжалось, не зная миншуръ, изъ чистаго золота, когда лядунка, напр., стоила болѣе ста рублей, трудно было существовать на одно только небольшое жалованіе, а съ того времени при-

¹⁾ Пол. Соб. Зак. XXXIII, № 26,026.

ходилось пріобрѣтать еще лошадей и кормить ихъ. Правда (въ 1817 году), лишивъ оберъ-офицеровъ большой льготы, указъ Императора повелѣвалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, держать для нихъ въ полкахъ 26 лучшихъ лошадей изъ казенно-строевыхъ, но исключительно для Ѣзда во фронтѣ, при чемъ лошади оставались собственностью полка. Офицеры отъ того ни мало не выиграли: имъ, въ видѣ большого одолженія, давали иногда лошадей, но, чтобы отбить на будущее время охоту ими пользоваться, давали самыхъ дурныхъ. Полковое начальство, въ своемъ постоянномъ трепетѣ о лошадиномъ тѣлѣ, предпочитало держать на конюшняхъ, а то, очень часто, и совсѣмъ не имѣть ихъ на лицо. Чтобы же оградить себя отъ претензій офицеровъ пользоваться дарованнымъ имъ Государемъ правомъ, командиры, принимая въ полкъ, брали съ нихъ обыкновенно расписки, что они будутъ содержать себя *прилично* и имѣть *своихъ* лошадей. Связанные такою распискою, офицеры уже были должны, помимо своего желанія, ставить послѣдній грошъ ребромъ, покупать лошадей и, тягаясь съ гвардіею, одѣваться съ иголочки и богато, ибо, въ противномъ случаѣ, командиры, желавши блистать на смотрахъ щегольствомъ своихъ офицеровъ, находили ихъ одѣтыми «не прилично».

Въ дѣлѣ выѣздки лошадей, во взглядахъ на ихъ содержание и вообще на всю кавалерійскую службу произошли съ послѣдняго времѣни большия перемѣны. Были онѣ слѣдствіемъ вліянія нѣмецкой конницы, съ которой нашимъ кавалеристамъ пришлось познакомиться во время послѣднихъ войнъ. Они любовались ея стройными движеніями и красивымъ видомъ лошадей, строго ходившихъ въ сильномъ сборѣ—то были результатъ тонкой манежной выѣздкѣ, о которой до того у насъ не имѣли ровно никакого представленія. Хотя въ полкахъ и были береторы, но они, какъ мы видѣли, должны были обучать только полевой Ѣздѣ. Въ концѣ царствованія Екатерины II нѣчто подобное пытались завести и въ нашей ар-

мейской кавалерии; при Императорѣ Павлѣ изъ полковъ въ Петербургъ посыпались офицеры присматриваться къ обученію гвардіи. Но постоянныя войны не давали возможности поставить это дѣло правильно. Только послѣ 1815 года у насъ между кавалеристами, и то молодыми только, появилось стремленіе сравняться съ западною кавалеріею въ тонкостяхъ манежной Ѣзды. До этого-же времени выѣзда молодыхъ лошадей была самая первобытная. Вотъ какъ описывается ее современникъ гр. Остенъ-Сакенъ:

«1 мая каждого года собирались полки на шести-недѣльные кампаменты, и къ тому-же времени не приводили, но (кромѣ кирасировъ) пригоняли гономъ лошадей. Кто изъ эскадронныхъ командировъ поставилъ прежде во фронтъ своихъ ремонтныхъ лошадей, тотъ считался молодцемъ».

«Вотъ приемы выѣздки»:

«На дикую лошадь накладывали съ великимъ трудомъ, иногда валяя ее, мѣшокъ, въ видѣ саковъ съ пескомъ, вѣсомъ отъ 5 до 6 пудовъ, и гоняли на кордѣ съ тяжелымъ копуцуномъ, не только до усталости, но до изнеможенія, съ цѣлью скорѣе усмирить лошадь. Солдатъ-малороссъ, до поступленія на службу обращавшійся съ волами, былъ менѣе безжалостенъ; но русскій человѣкъ, привыкшій съ малолѣтства звѣрски обходить съ лошадьми, при подобной выѣздаѣ не щадилъ уже ихъ нѣсколько».

«Дни чрезъ два накладывали на лошадь сѣдло и опять мѣшокъ съ пескомъ, и та же продѣлка. Послѣ того слѣдовала окончательная выѣзда: лошадь выводили на выгонъ и лихой всадникъ, одаренный огромною силою и вооруженный нагайкой, мгновенно вскаиваетъ на лошадь и, поднявъ ей голову, не давая опомниться, ужасными ударами нагайки пускалъ лошадь вскачъ во весь опоръ, огромною, версты на три, вольтою. Скачка продолжалась до изнуренія силъ. Тогда всадникъ уменьшалъ вольту по направленію къ конюшнѣ, не переставая дѣйствовать нагайкою; лошадь, потерявъ послѣд-

нюю бодрость и силы, переходила въ рысцу и шагъ, и всадникъ, дотацивши до конюшни, сѣвалъ съ присталой лошади. Этимъ оканчивалась выѣзда, и лошадь поступала во фронтъ. Иногда продѣлка повторялась на другой день съ меньшимъ сопротивлениемъ лошади».

«Выѣзда сопровождалась иногда разбитіемъ лошади, по большему частію надорваніемъ и заналомъ. Въ полкахъ много было разбитыхъ, но болѣе надорванныхъ и заналенныхъ лошадей. Бромъ того, большая часть лошадей носила, а иѣкоторыя опрокидывались»¹⁾.

Хотя это и было варварскій способъ выѣздки, но другой, впрочемъ, былъ и не примѣнимъ при существовавшемъ тогда обычая насти лошадей эскадронными табунами на подножномъ корму. Лошади, гуляя по лугамъ на полной свободѣ, не зная въ продолженіи шести недѣль узы, дичали наповало, и выѣзжать ихъ къ непосредственно стѣдовавшему всѣмъ за этимъ полковому кампаменту было уже некогда, такъ что примѣнима была къ нимъ только вышеописанная система.

Созиная нецѣлесообразность всего этого, Барклай-де-Толли отдалъ приказъ (1817 годъ) кормить лошадей травою по прежнему въ течениі шести недѣль, но скопинено и на конюшняхъ, табунами-же на свободу не выпускать. Но эскадронные командиры не скоро и не охотно разстались съ старымъ способомъ, какъ менѣе заботливымъ.

Послѣ-же войны и знакомства съ прусскою и австрійскою кавалеріею появилось желаніе завести подобное и у насъ, появилось увлечение тонкостями манежной Ѣзды. Но не хорошихъ береговыхъ, ни знающихъ людей въ полкахъ не было. Если такие и попадались, то были большими исключченіемъ. Принялись за обученіе безъ всякихъ малѣйшаго теоретического даже знакомства съ искусствомъ манежной выѣздки лошадей. И выходила только пародія на манежную Ѣзду, принесшая жалкіе результаты и въ высшей степени вредныя по-

¹⁾ Защита противъ восстающихъ на манежную выѣзду лошадей.

слѣдствія. Руководствомъ для подражателей явилась «школа высшей манежной Ѣзды» Лагериньера, переведенная съ иѣменскаго языка. Всѣ изложенные правила въ этой въ сущности плохой школѣ, трактовавшей вѣрнѣ о высшей цирковой Ѣздѣ, безъ всякой предварительной подготовки лошадей стали примѣняться къ выѣздѣ ихъ. Старые боевые эскадронные командиры, привыкшіе подвязаться въ полѣ, понимая вредъ пагубнаго увлеченія «манежною модою»¹⁾, съ великимъ негодованіемъ взирали, какъ ихъ молодые товарищи, не зная ни теоріи, ни практики, лѣзли изъ кожи, спѣша обучить въ своихъ частяхъ смѣны всевозможнымъ хитростямъ въ родѣ редона, шюфе, кабрюолей и пр. Съ утра и до вечера въ ионастроенныхъ крытыхъ манежахъ происходила пытка людей и лошадей. Ихъ заставляли продѣлывать разные фокусы. Солдаты, не смотря на вбиваніе, ни какъ не могли скоро постигнуть всѣхъ ухищреній иѣменской изобрѣтательности, названія которыхъ такъ непонятно и дико звучали для ихъ уха. Понимали они только ясно то, что редонами и т. п. нельзя будетъ колотить враговъ отечества, а изъ ружей тогда они не стрѣляли, саблями владѣть не учились вовсе,—не было времени—манежъ поглотилъ все и все отодвинулъ на второй планъ. Посадка, къ довершенню муки людей, по системѣ Цесаревича Константина Павловича (введена въ 1816 году), была до крайности неестественна, натянута и мучительна—она требовала, чтобы плечо, колѣно и носокъ всадника были на одной ствѣсной линіи. Достиженіе подобной посадки приносило солдатамъ невозможныя мученія и было причиною безконечныхъ наказаний, на кои было такъ щедро то время. Это, дѣлая службу очень тягостною, способствовало развитію побѣговъ.

Результаты увлеченія манежемъ вскорѣ не замедлили обнаружиться: большая половина лошадей въ полкахъ не годилась къ фронтовой службѣ, была разбита на ноги; между

¹⁾ Ibidem и Рус. Изв. 1858 г. № 55 Браневскаго «Взглядъ на легкую кавалерию старого времени»

лошадьми множество было кривыхъ и совершенно потерявшихъ зрѣніе отъ натуги вырабатыванія усиленного противуестественнаго сбора. Манежъ изобрѣтъ укороченные аллюры—рысы, голопѣтъ доведены были до самаго тихаго хода, что «составляетъ красу и изящество выѣздка». «Трудъ былъ нелегкій», говоритъ Г. Браневскій, многія лошади не шли вольтомъ, на кордѣ, противились, били задомъ, не шли впередъ, несмотря на градъ ударовъ бичемъ, иѣкоторыя, закусивъ удила, пробивали головами камышевыя стѣны манежа». Забросивъ совершенно полевую службу, добивались лишь только красоты движений, старались доводить лошадей до образца «печки». Идеаломъ легкаго кавалерійского коня стали почитать залипаго саломъ удара съ «жолобкомъ» по спинѣ и съ огромнымъ висячимъ брюхомъ. Чистка лошадей, противъ увлеченія которой такъ ратовалъ когда-то Потемкинъ, требовалась теперь самая тщательная; все было подщипано, всякий волосъ, нарушившій, по мнѣнію кавалеристовъ того времени, гармонію природы, былъ вырванъ. Лошадей стали держать въ душныхъ темныхъ конюшняхъ, где онѣ слыши, исходя только изъ этого убѣжденія, что духота способствуѣтъ сохраненію лоска и блеска шерсти¹⁾.

Фуражный вопросъ продолжалъ быть громадною доходною статьею командира части. Съ этой точки зрѣнія на лошадей взирали и прежде, послѣднее-же время все это установилось на болѣе прочныхъ началахъ, такъ какъ известно-же, что кавалерійскіе полкѣ часто давались для поправки средствъ промотавшимся въ гвардіи офицерамъ. Согласовать это съ требовавшимся тучнымъ, «соломеннымъ», впрочемъ, тѣломъ, можно лишь было съ помощью укороченныхъ аллюровъ и неподвижности.

Все это довело кавалерію того времени до того, что она была попросту не способна къ военнымъ дѣйствіямъ. Но продолжительный, четырнадцати-лѣтній покой и отсутствіе войны

¹⁾ Ibidem.

не могли выставить того рељефно. Находились и противники подобной системы обучения, впадая оять таки въ крайность; они говорили, что манежъ портитъ лошадей и отрицали его совершенство. Но были и такие виртуозы, которые доказывали, что *война* портитъ¹⁾ войска, такъ какъ во время ея солдаты забываютъ всѣ тонкости военной науки мирнаго времени, доведеннай въ 20-хъ годахъ до того, что унтер-офицеры, напримѣръ, умѣли танцевать верхомъ кадриль, ходить испанскимъ-опереточнымъ шагомъ и т. п. И духъ въ нашей кавалеріи былъ уже далеко не прежній. Служаки временъ Екатерины и минувшихъ войнъ сходили со сцены, ихъ мѣсто заступали «истые любители изящной ремесленной службы».

И это творилось, развиваясь все болѣе, до Императора Николая I. Эта Государь, любя военное дѣло и отлично его понимая, на своихъ частныхъ смотрахъ, имѣвшихъ такое огромное значеніе для воспитанія арміи, указалъ всѣ вкоренившіяся заблужденія. Особенно остался онъ недоволенъ укороченнымъ «нелѣпымъ» (его слова) аллюрами, доведеннымъ до того, что хорошая пѣхота обгоняла галопирующей эскадронъ. Галопъ «на мѣстѣ»—это былъ идеалъ тогдашней манежной кавалеріи! На смотрахъ Государь задавалъ кавалеріи порядочную гонку, и лошади, привыкшія стоять безъ движений цѣлыми днями, получали запаль, а многія находили тутъ же себѣ смерть, не имѣя силъ продолжительное время и на болѣе широкихъ аллюрахъ носить свое тучное тѣло съ жабою. Въ полкахъ раздавался всякий разъ жалобный стоны и ропотъ эскадронныхъ командировъ, когда Государю было угодно назначить маневры, къ которымъ онъ относился съ такимъ увлеченіемъ и страстью. Плакались эскадронные командиры и не понимали, зачѣмъ Императоръ портитъ свою кавалерію, такую прекрасную, что отъ нея могла и не отставать пѣхота. Ложныя убѣжденія нустили глубокіе корни, вырывать ихъ было трудно сразу. Примѣры гибели лошадей на

¹⁾ Сочиненіе Д. В. Давыдова, т. II (изд. 1893 г.), ст. 227.

маневрахъ еще не были особенно чувствительны. Нуженъ былъ болѣе поучительный примѣръ, который бы показать рутинерамъ, до какого жалкаго состоянія довели они нашу, такъ еще недавно прекрасную конницу. Такой поучительный примѣръ явила собою война 1828—1829 годовъ, война далеко не трудная, гдѣ кавалерія, собственно, и мало приходилось действовать. Лошади, пріученные совершать самые короткіе переходы черепашьимъ шагомъ съ 2—3 продолжительными привалами, попавъ въ иную, не кончишнюю и не манежную обстановку, не переносили трудовъ, неастной погоды и гибли цѣлыми сотнями. Многіе кавалерійские полки, перейдя Дунай верхомъ, вернулись на зимнія квартиры пѣшикомъ. Такъ, 3-я гусарская дивизія потеряла *всюхъ* своихъ лошадей!

Въ царствованіи Императора Александра I начали обращать вниманіе на подготовку молодыхъ людей къ производству въ офицеры. Для этой цѣли стали открываться военные училища, при дивизіяхъ учреждались школы для юнкеровъ, гдѣ, помимо строевыхъ занятій, преподавались и нѣкоторыя науки. И общій уровень познаній офицеръ нѣсколько былъ повышенъ. Для примѣра приводимъ здѣсь аттестаціи 48 офицеровъ Харьковскаго полка за 1817 годъ. Между ними было еще много боевыхъ офицеровъ и старыхъ служакъ—9 человѣкъ отбыло 5 и 6 кампаній, 13—4 и 3; 5—двѣ войны, 5—одну, и только одна третья общаго состава не получила крещенія огнемъ и не нюхала пороха. По числу прослуженныхъ лѣтъ 2 были болѣе 30, 8—болѣе 20-ти. По отношеніи къ «усердію», «способности» къ службѣ и нравственности всѣ, безъ исключенія, аттестованы «хорошо». Видимо, командръ полка, Полковникъ Де-Юнкеръ, не давалъ себѣ труда по глубже вникнуть и болѣе точно оцѣнить своихъ офицеровъ; вѣроятно, между ними нашлись-бы и такие, что были достойны лучшей, ровно какъ и худшей аттестаціи. «Способности ума» оцѣнены по той-же мѣрѣ—всѣ «хорошо»

и только один изъ всѣхъ былъ удостоенъ аттестацій «отличный»—это, конечно, старшій и, вѣроятно, помогавшій командиру по хозяйству. Въ формуларныхъ спискахъ особенно интересно подробное перечисленіе знаній всякаго офицера. И, если судить по нимъ, то кругозоръ ихъ былъ очень разнообразный: были люди очень свѣдущіе, знакомые съ многими науками, были, и такихъ болыниество, коимъ удалось лишь преодолѣть «rossijskuyu грамоту»—«читать и писать умѣеть». Выдѣлявшимся изъ всѣхъ своимъ познаніями былъ въ то время Прапорщикъ Милорадовичъ, окончившій Пажескій Корпuss; онъ зналъ: «алгебру, геометрію, полевую и долговременную фортификацію, артиллерию, физику, статистику, механику, russijskuyu грамматику, французскій и нѣмецкій языкъ». По знаніямъ науки офицеры распредѣлялись такъ: математику знало 4 человѣка, исторію—3, географію—2, артиллерию—1, одну лишь геометрію—3; не многие офицеры совмѣщали нѣкоторыя науки, но такихъ было по одному. По знанію языковъ распредѣлялись такъ: знающихъ французскій было 2, нѣмецкій—4; оба—8.

Заемствуя изъ Пруссіи уставы и пр., наша армія переняла оттуда съ военно-уголовными законами и процвѣтавшее тамъ жестокое обращеніе съ солдатами. Особенной силы это жестокое, если не сказать болѣе, обращеніе съ готовыми на всевозможныя самоотверженія и подвиги русскими солдатами достигло въ концѣ прошлаго столѣтія. Находя, что въ арміи временъ Екатерины процвѣтали распущенность и упадокъ дисциплины, Императоръ Павель приказалъ искоренять это зло по прусской системѣ, и строгость съ того времени началась непомѣрная.

Въ началѣ своего царствованія, Императоръ Александръ I, движимый состраданіемъ къ солдатамъ, обратилъ вниманіе на ужасныя истязанія, царившія въ войскахъ, и на произволь начальниковъ въ этомъ отношеніи. Гуманный и добрый Го-

сударь энергично боролся съ тѣмъ, но ничего не могъ подѣлать. Въ предисланіи своемъ инспектору Г.-Л. Боуру (1804 годъ) онъ писалъ: до его свѣдѣнія дошло, что въ полкахъ при обученіи экзерциціи примѣняются такія строгостіи, какія употреблять должно только въ важныхъ преступленіяхъ—«метода сія, бывъ столько-же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введеніа, конечно, или отъ непониманія, въ чёмъ состоять должна воинская строгость, или же отъ природной наклонности къ жестокостямъ. Первое не простительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурные свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка». Императоръ далѣе говорилъ, что строгость нужна въ войскахъ, но она должна примѣняться разумно, и что проступки не надо смиливать съ погрѣшиностями, напр., въ ружейныхъ приемахъ и т. п. Первое должно быть наказываемо, но не въ зависимости отъ произвола, а по воинскимъ артикуламъ, второе-же должно исправляться терпѣливымъ ученіемъ, а не палкою. Государь высказывалъ истину, до которой не могли тогда додуматься другие: «не согласно съ разумомъ, чтобы онъ (солдатъ), выходя на ученіе, имѣть въ намѣреніи своею ошибаться съ умысла; напротивъ того, ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстраиваетъ вниманіе его и, при всемъ напряженіи силъ исполнить наиболѣшімъ образомъ командуемое, ошибается на каждомъ шагу и при всякомъ словѣ». Высказывая желаніе, чтобы офицеры при обученіи солдатъ старались-бы болѣе действовать толкованіемъ, а не побоями, Императоръ рекомендовалъ Боуру обратить на то большое вниманіе и объ этой его волѣ сообщить шефамъ полковъ. Но все эти старанія Государя были тщетны, и звѣрство продолжалось, находя примѣръ и поддержку въ военномъ министрѣ, всесильномъ временщикѣ гр. Арокчеевѣ. Не могъ ничего подѣлать позднѣе и Барклай-де-Толли, также пытавшійся бороться со зломъ. Въ приказѣ своемъ (1815 года отъ 22

февраля) онъ говорилъ: «корткое и благородное обращеніе начальниковъ со своими подчиненными не вредить порядку, а, напротивъ, рождаетъ истинное и полезное честолюбіс, одушевляетъ войска, тогда какъ уничтоженіе этихъ чувствъ унижаетъ духъ и, вмѣсто довѣрія и привязанности, рождаетъ къ начальнику недовѣріе и ненависть». И этотъ чудный голосъ остался воющимъ въ пустынѣ, пока Императоръ Александръ II не освободилъ, наконецъ, воиновъ отъ позорного тѣлеснаго наказанія. Государь оставилъ розги только въ исключительныхъ случаяхъ, состоящимъ въ разрядѣ штрафованныхъ съ определеннымъ числомъ ударовъ. Но съ какимъ-бы презрѣніемъ отнесся къ этому жалкому маленькому числу ударовъ любой ротный и полковой командиръ (особенно ежели изъ иѣмцевъ, а такихъ была тьма) временъ былыхъ, на счастье кончавшихъ въѣчиость! Снисходительно-бы только улыбнулся и старый солдатъ, имѣвший несчастье служить, когда спины привыкали переносить цѣлья тысячи палочныхъ ударовъ!

Шпицрутеномъ называлась длиною въ сажень гибкая палка, вѣрнѣе хворостина, толщиною въ вершокъ. Для совершенія наказанія, скорѣѣ казни, часто смертной, нижніе чины становились въ двѣ шеренги лицомъ къ лицу, иногда составляя кругъ. Число рядовъ было въ зависимости отъ числа ударовъ, которое нужно было дать осужденному, протаскивая его при томъ по этой «зеленої улицѣ» два, четыре раза (въ зависимости отъ того-же). Установивъ ряды и вооруживъ каждого солдата шпицрутеномъ, заставляли предварительно помахать ими надъ головами, чтобы убѣдиться въ пригодности палки для нанесенія жестокаго удара. Послѣ того, привязавъ руки осужденного къ примкнутому штыку, два дюжіе унтеръ-офицера, взявъ за прикладъ, тащили его по «улицѣ». Положеніе несчастнаго было безвыходное: спѣшить впередъ онъ не могъ—штыкъ своимъ остреемъ удерживалъ его отъ того, податься назадъ тоже было нельзя—тянули унтеръ-офицеры, да, къ тому-же, сзади ждали-бы его удары. «Нужна была на ходу

соразмѣрность, иначе весь порядокъ разстроится». Когда жертву начинали вести между шеренгами, то всякий солдатъ, сдѣлавъ правой ногой шагъ впередъ, долженъ былъ нанести ударъ по спинѣ и стать на мѣсто; удары сынались съ обѣихъ сторонъ. И, по мѣрѣ шествія, если путь былъ длиненъ, со спины наказуемаго начинали лѣтѣть клочья кожи и мяса, и потоками лилась кровь. Если жертва иѣмецкой изобрѣтательности лишалась чувствъ, то ей услужливо подносили юхать спиртъ, чтобы она, прийдя въ себя, продолжала чувствовать. Но совершенная потеря чувствъ не прекращала экзекуціи—виновнаго все таки тянули или на скрещенныхъ ружьяхъ, или какой либо здоровенный солдатъ несъ товарища на своей спинѣ. Иногда отпускали въ лазаретъ для залечиванія спины, чтобы потомъ исполосовать ее снова. Словомъ, такъ, или иначе, каждый долженъ былъ получить «что кому ассигновано». Даже испустившаго, не дойдя до конца улицы, духъ, что было дѣломъ обыкновеннымъ, продолжали тянуть дальше, чтобы досчитать положенное число ударовъ! Трудно вѣрится, что доходило до такой жестокости и что это не было иѣсколько столѣтій тому назадъ. Несчастнымъ солдатамъ приходилось истязать и забивать своего товарища часто за самый пустякъ. За сплошь наносимыхъ ударовъ слѣдили вахмистръ, и солдаты, если-бы и хотѣли, не могли изъ жалости бить слабѣ. Если кто дѣлалъ неполный размахъ и наносилъ несильный ударъ, то на спинѣ у него вахмистръ ставилъ мѣломъ крестъ. Послѣ истязанія солдаты съ тревогою спрашивали другъ у друга, иѣть-ли на спинѣ этого, въ данномъ случаѣ, зловѣщаго знака, который за состраданіе къ товарищу предвѣщалъ порку¹⁾). Можно было-бы хотя отчасти примириться, еслибы эти экзекуціи производились по суду только, а то по произволу каждого командира, и число ударовъ также зависило отъ него, часто отъ его пьяного воображенія. «Хороший командиръ каждого солдата натуру знаетъ, сколько кто

¹⁾ Рус. арх. 1871 г., стр. 1257 Сѣракова «Моя трудовая жизнь».

ударовъ вытерпить, а кому опредѣлить ихъ не въ мѣру, значитъ, тому смерть, мертваго на салазкахъ протащить велить, а что кому ассигновано, такъ тому и быть»¹⁾. Въ одной статьѣ, трактующей по этому поводу, говорится, что съ 20-хъ годовъ обращеніе съ солдатами сдѣлалось гуманнѣе и наказанія были смягчены. За третій, напр., изъ службы побѣгъ виновный подвергался наказанію шпицрутенами въ размѣрѣ одного раза чрезъ 500 человѣкъ, но въ 1831 году рядовой Харьковскаго полка, Григорій Тепловъ, за третій изъ службы побѣгъ и воровство казенної шинели былъ наказанъ шпицрутенами чрезъ *тысячу* человѣкъ *два* раза и по выдержаніи былъ отправленъ на крѣпостныя работы на 3 года. Архивный документъ говоритъ ясно, «по выдержаніи былъ отправленъ». Какую-же натуру нужно было имѣть, чтобы сразу выдержать это! Правда, эти двѣ тысячи еще не были высшею нормою ударовъ. Такъ какъ приказы по Харьковскому полку сохранились лишь съ 1852 года, то, къ сожалѣнію, нельзя было документально прослѣдить въ точности постепенное ослабленіе наказаній шпицрутенами, начиная съ нынѣшняго столѣтія. Но пишутъ, что прежде третій изъ службы побѣгъ влекъ за собою отъ 4—5 тысячъ, а четвертый отъ 6—7 тысячъ шпицрутеновъ и ссылку въ Сибирь. Но неужели находились такие герои, достойные лучшей участіи, спины которыхъ могли выдержать семь тысячъ! Допустимъ самое большее, не беря во вниманіе промедленій, что въ минуту наносились 30 ударовъ, то, следовательно, казнь двумя тысячами должна была продолжаться болѣе часу, а семью—около четырехъ часовъ! Даже значительно позднѣе, въ 1852 году, за первый изъ службы побѣгъ наказывались шпицрутенами чрезъ 300 человѣкъ одинъ разъ¹⁾, за второй—чрезъ 300—два раза, а за пустую кражу по приказанію начальника дивизіи, чрезъ 500 человѣкъ одинъ разъ²⁾.

¹⁾ Приказы по полку 1852 г.

²⁾ Ibidem.

Но, не смотря на эти строгія карательныя мѣры, увѣчившія и отправлявшія на тотъ свѣтъ солдатъ, цѣль не достигалась: побѣги, напр., были очень часты. Солдатъ, совершивъ легкій проступокъ, даже хорошо сознавая, что будетъ пойманъ, бѣжалъ, гонимый страхомъ предъ шпицрутенами.

Да будеть-же благословенна память Императора Александра Николаевича, по истинѣ Царя-Освободителя, за то, что Онъ избавилъ, наконецъ, свою вѣрную армию отъ всѣхъ этихъ ужасовъ!

Въ царствованіи Императора Николая I срокъ службы «до чистой» отставки былъ 25-ти лѣтній. Увольненiemъ-же въ безсрочный отпускъ пользовались нижніе чины, заслужившіе это право 15-ти лѣтнею безспорочною службою; но они должны были собираться ежегодно въ сентябрь мѣсяцъ на учебные сборы. Такой порядокъ былъ введенъ съ 1834 года. Сроки службы съ теченіемъ времени уменьшались, пока введеніе общей воинской повинности не уменьшило солдату службу во фронтъ до пустого, сравнительно, числа лѣтъ.

въ 3-й дивизії, въ 7-мъ корпусѣ и во 2-й армії. Число чиновъ въ полку было, конечно, полное, согласно штату 1812 года, въ составѣ 6-ти эскадроновъ съ 7-мъ запаснымъ. Эскадроны по прежнему назывались по фамиліямъ своихъ командировъ. Это неудобство было устранено только въ 1831 году, когда послѣдовало повелѣніе именовать эскадроны по нумерамъ, не исключая и лейбъ-эскадрона, коему присвоился № 1-й. Наименование же «лейбъ-эскадрона» приказано было сохранить только въ тѣхъ полкахъ, шефами которыхъ состояли особы императорскихъ и королевскихъ фамилій. Этого «лейба» въ Харьковскомъ полку не было до 1851 года¹⁾. Въ этотъ-же періодъ были нѣкоторые небольшія перемѣны, но онъ видны изъ прилагаемой хроники.

Подобно частой перемѣнѣ стоянокъ, смѣнялись и командиры полковъ. Юзефовичъ былъ послѣднимъ шефомъ; послѣ него пошли опять командиры. Старшій-же штабъ-офицеръ (прежній полковой командиръ) сталъ называться дивизіоннѣромъ, равно какъ и другіе.

Послѣ Г.-М. Юзефовича въ теченіи всего 1815 года не было командира, полкомъ командовалъ Подполковникъ Засядко. Затѣмъ мелькнула Подполковникъ Семяко, назначенный было командиромъ изъ л. г. Кирасирскаго Его Величества полка, но чрезъ три уже мѣсяца по болѣзни былъ уволенъ въ отставку. Его замѣнилъ иностранецъ (1816 года) Полковникъ Карль Филипповичъ Де-Юнкеръ, происходившій изъ дворянъ нѣмецкой Лотарингіи. Изъ французской въ русскую службу вступилъ онъ въ 1805 г. корнетомъ и былъ адъютантомъ у Милорадовича, а чрезъ 10 уже лѣтъ командовалъ полкомъ. Ему, какъ и всѣмъ иностранцамъ, очень везло по службѣ: онъ былъувѣщенъ всевозможнѣйшими орденами, удостоился трехъ Монаршихъ благоволеній. Де-Юнкера смѣнилъ (1820 года) Полковникъ Константинъ Станиславовичъ Снарский, человѣкъ уже не молодой—45 лѣтъ. Службу онъ началъ въ л. г.

¹⁾ Приказъ по дѣйст. арміи 1831 г., за № 585.

Глава XX.

Частые переходы съ мѣста на мѣсто.—Наименование эскадроновъ.—Смѣны командировъ.—Измѣненіе взгляда на драгунъ.—Переформированіе полка въ уланскій.—Форма, вооруженіе.—Стягиваніе полковъ къ границамъ.—Полковникъ Аренъ.—Состояніе, въ коемъ засталъ онъ полкъ, дѣятельность его.—Заботы Государя объ офицерахъ.—Открытие военныхъ дѣйствій.—Расположеніе по Дунаю.—Подъ Гиллстрією.—Отличившіеся, награды.—Боязни.—Продолженіе блокады.—Дѣло 16 августа.—Небольшая стычка.—Дѣло 3-го сентябрь.—Переходъ къ Шумѣ.—Потери за сентябрь.—Сильная стужа.—Окончаніе войны.—Слѣдователю на зимнія квартиры.—Общія потери.

Въ м. Черномъ Островѣ Харьковцы простояли недолго, только по ноябрь 1815 года. Вообще, со времени возвращенія изъ Франціи, несмотря на мирное время, полкъ очень часто перемѣнялъ свои стоянки, переходя съ одной на другую, но почти все въ одной и той-же мѣстности—Новгородъ-Волынскій, Винница (Подольской губ.), Верхнеднѣпровскъ (Екатеринославской) и Чигиринъ. Отсюда полку чуть было не пришлось отправиться въ заграничный походъ (1821 годъ) къ г. Пресбургу вслѣдствіе какихъ-то появившихся тучекъ на политическомъ горизонте. Харьковцы уже было и выступили (3 марта), и пошли къ границамъ; но тучки разсѣялись, и разочарованный полкъ изъ г. Липовца (Подольской губ.) возвращенъ былъ обратно и расположенъ въ г. Богуславѣ. Въ томъ-же году полкъ опять перешелъ въ г. Чигиринъ, потомъ въ г. Шполу, потомъ въ Ставице (Кіевской губ. въ 1824 году). Слѣдовательно, въ теченіи 10 лѣтъ, съ 1815 по 1825 годъ, онъ перемѣнилъ 9 стоянокъ. Ежегодно участвовали Харьковцы въ кампamentахъ и два раза были на Царскомъ смотру (въ 1818 году при г. Старомъ Константиновѣ, въ 1823 при г. Тульчѣ). Это время полкъ состоялъ

Конномъ полку (1784 годъ) ефрейтъ-капраломъ; нѣкоторое время, покинувъ воинную службу, былъ вице-губернаторомъ Волынской губ., но скоро потерялъ и эту должность. Потомъ поступилъ подполковникомъ въ Харьковскій полкъ и скоро былъ назначенъ его командиромъ, а въ 1823 году командромъ Мариупольскаго гусарскаго полка. За Снарскимъ слѣдовалъ Полковникъ Егоръ Алексѣевичъ Кончаловъ (44-хъ лѣтъ отъ роду), изъ малороссийскихъ дворянъ Полтавской губ.; это былъ боевой офицеръ—онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ того времени. Прокомандовалъ онъ Харьковцами съ небольшимъ 2 года, въ полку-же и умеръ. За этимъ командромъ мелькнулъ Полковникъ Гельманъ, Карлъ Евстаѳьевичъ; онъ командовалъ полкомъ только 5 мѣсяцевъ; чѣмъ-то отличился, за что-то былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командромъ бригады¹⁾). Всѣ эти 5 командріовъ были, судя по ихъ послужнымъ спискамъ, люди образованные, особенно Де-Юнкеръ, и заслуженные. Они не оставили никакихъ слѣдовъ командинія полкомъ, и о нихъ ничего больше сказать нельзя. Царилъ при нихъ, конечно, манежъ и манежъ, томительное хожденіе по кампаментамъ и кочеваніе по новымъ стоянкамъ.

Въ царствованіи Императора Александра I преобладающими родомъ оружія въ нашей регулярной кавалеріи были драгуны. Но первый-же годъ войны съ французами показалъ, что это обиліе драгунскихъ полковъ въ ущербъ легкой кавалеріи дурно отзывалось на нашей арміи. Это тогда-же (1812 года) побудило уменьшить число ихъ на 18, т. е., на половину,—ихъ переформировали въ уланскіе и конно-егерскіе. Въ царствованіи Императора Николая I взглядъ на драгунъ, какъ на самый полезный родъ кавалеріи, измѣнился еще болѣе не въ ихъ пользу, и снова въ 1827 году нѣкоторые драгунскіе полки были переформированы въ уланскіе

¹⁾ Мос. арх. Послужные ихъ списки.

и гусарскіе. Въ числѣ полковъ 3-й драгунской дивизіи бывъ переформированъ въ уланскій и Харьковскій полкъ, получивъ название «Харьковскій Уланскій» (6 октября 1827 года). Первое время штатъ оставался прежній, общій для всей кавалеріи, но послѣ онъ измѣнялся часто¹⁾—число чиновъ въ полку то увеличивалось, то уменьшалось.

Новая уланская форма Харьковскаго полка представляла собою сочетаніе цвѣтовъ темно-синяго съ бѣлымъ, имѣла строго выдержанній характеръ, была очень красива, изящна и нѣжна. Мундиръ дѣлался изъ толстаго безъ ворса темно-синяго сукна; шился онъ съ болѣшимъ перехватомъ у талии; съ узкими рукавами съ перехватомъ у кисти и съ завернутыми короткими фалдами, являясь поэтому чѣмъ-то въ родѣ фрака. Стоячій воротникъ мундира былъ очень высокъ, застегивался на нѣсколько крючковъ, и заставлялъ держать голову неподвижно. Воротникъ, обшлага, лацканы и кантъ—были бѣлые суконные; этишкеты бѣлые шерстяные; шуговицы, металлические чешуйчатые эполеты, полагавшіеся въ строевымъ чинамъ—луженіе бѣлаго цвѣта. Рейтузы съ бѣлымъ кантомъ длинные, на выпускъ. Только уланскій киверь того времени отличался отъ такого-же позднѣйшаго тѣмъ, что былъ почти ровень, съ небольшимъ только утонченіемъ по серединѣ между верхнимъ четырехугольникомъ и частью, надѣваемою на голову, что дѣлало его некрасивымъ и неуклюжимъ; къ тому-же, онъ былъ очень тяжелый, вышиною въ 5 $\frac{1}{2}$ вершковъ съ чешуйчатымъ подбородкомъ. Верхняя половина флюгера была бѣлая, нижняя—синяя. Различныя части обмундированія и цвѣта не рѣдко подвергались измѣненіямъ. Съ 1828 года полки легкой кавалеріи были вооружены саблями нового образца съ мѣднымъ эфесомъ и прекрасными златоустовскими клинками. Эти превосходные клинки испытаны были полкомъ въ 4-хъ кампанияхъ и только въ позднѣйшее время они были отобраны, вслѣдствіе перемѣны

¹⁾ См. хроника полка.

образца. Кроме сабель, уланы были вооружены пиками, легкими карабинами и пистолетами.

Къ началу 1828 года Харьковскій полкъ состоялъ въ 3-ей (вскорѣ 5-я) уланской дивизіи (полки Петербургскій, Харьковскій, Смоленскій и Курляндскій) и въ 1-й бригадѣ.

Всѣдствіе появленія чумы на Анатолійскихъ берегахъ, приняты были мѣры противъ занесенія заразы изъ предѣловъ Турціи; для этого нужно было усилить наши пограничные кордоны. При томъ, по причинѣ начинавшихъ осложняться нашихъ отношеній къ Турціи, грозившихъ перейти въ открытый разрывъ, не лишнее было имѣть войска на всякой случай по ближе къ границамъ. Харьковскій полкъ въ числѣ другихъ получилъ повелѣніе направиться въ Бессарабію, ему уже такъ знакомую по прежнимъ войнамъ. Оставилъ въ м. Ставинецъ, гдѣ застало его это время, свой запасный эскадронъ, полкъ выступилъ въ походъ 27 августа 1827 года въ с. Альбанецъ. Переѣхъ р. Бугъ въ с. Тывровъ, а Дибстрѣ въ с. Ачаки (около Могилева), весь путь въ 301 версту (при 6 дневкахъ) полкъ совершилъ въ 25 дней, дѣлая перекоды небольшие, въ среднемъ по 18 верстъ. Въ с. Альбанецъ Харьковцы расположились на тѣсныхъ квартирахъ, занявъ только 60 дворовъ.

Полкамъ 3-й драгунской дивизіи было приказано выступить въ 6-ти эскадронномъ составѣ по 12 рядовъ во взводахъ, пополнивъ число недостававшихъ людей изъ запасныхъ¹⁾. Полкамъ этимъ было приказано имѣть въ виду, что, въ случаѣ открытия военныхъ дѣйствій, они должны будутъ переформироваться въ 4 дѣйствующіе эскадроны съ 20 рядами во взводахъ (2 унтеръ-офицера и 16 рядовыхъ еще пѣшихъ), направивъ всѣ ненужныя вещи и кадры, оставшиеся отъ пошедшіхъ на усиленіе эскадроновъ, въ свои постоянныя квартиры.

¹⁾ В. Уч. арх. II, № 2581.

Время съ конца сентября войска проводили въ участііи на большихъ маневрахъ, приспособленныхъ къ дѣйствіямъ въ большихъ равнинахъ противъ многочисленной непріятельской кавалеріи, упражняясь также въ веденії малой войны. Маневры велись съ обозначеннымъ противникомъ, котораго приказано было изображать хотя малыми кадрами¹⁾. Хотя 1-я бригада 3-й дивизіи (Петербургскій и Харьковскій полки) съ 5-ю сотнями казаковъ была назначена держать кордоны по Пруту, но, на время маневровъ, она была прикомандирована къ собраннымъ при Кишиневѣ войскамъ. Харьковскій полкъ выступилъ на маневры изъ с. Гасношаны, куда онъ перешелъ изъ с. Альбанца въ первыхъ числахъ октября и гдѣ сдѣлался извѣстенъ указъ о переформировании его въ уланскій. Въ то-же село, по окончаніи маневровъ, полкъ возвратился зимовать и находился до открытия военныхъ дѣйствій.

Полкомъ въ это время, принявъ его (1826 году) отъ Гельмана, командовалъ Полковникъ Іосифъ Романовичъ Аиренъ, происходившій изъ дворянъ Курляндской губ. Воспитаніе онъ получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, выпущенъ былъ офицеромъ въ Кавалерграційский полкъ и долго состоялъ послѣ адютантомъ у Г.-Л. Дибича. Въ 1826 году, на 11-мъ году службы, былъ произведенъ въ чинъ полковника и въ томъ же году назначенъ командиромъ Харьковскаго полка, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ (29 лѣтъ).

Надо сказать, что рядъ быстро смынявшихся послѣ Юзевовича командріовъ, оставилъ Аирену полкъ въ разстроенному и далеко не въ блестящемъ видѣ, особенно хромало хозяйство. Строевая часть также была окончательно запущена, люди не умѣли стрѣлять, не умѣли владѣть холожднымъ оружіемъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія о такихъ важныхъ отрасляхъ военного образования, какъ, напр., аванпостная служба, которой ни теоретически, ни практически ихъ не учили, равно какъ и разведывательной. Удивительное дѣло—

¹⁾ Ibidem.

главнейшия двѣ обязанности кавалериста—охранять и разъывать—находились всегда почему-то въполномъ загонѣ, и учиться тому не почиталось нужнымъ. Солдаты нерѣдко получали понятіе о службѣ на постахъ впервые въ военное уже время, когда учиться было некогда. И кавалерія была въ то время плохо слышавшими и дурно видѣвшими глазами арміи. Положимъ, что 20-ые и 30-ые года были временемъ исключительно манежа, но и до, и послѣ того все-же солдаты кавалеріи изъ всѣхъ отраслей требовавшихся отъ нихъ знаний менѣе всего были знакомы съ полевой службой, и на войнѣ начальники отрядовъ предпочитали охраненіе войскъ поручать всегда казакамъ, молодцамъ въ этомъ дѣлѣ. Тотчасъ-же по принятіи полка, Аирепъ съ большимъ усердіемъ и энергію принялъся за его устройство. Особенную дѣятельность проявилъ онъ при переформированіи его въ уланскій. Управиться съ полкомъ Аирепу удалось довольно скоро, уже чрезъ годъ онъ получилъ Высочайшую благодарность (приказъ отъ 25 декабря 1827 года) «за особенное усердіе къ службѣ и дѣятельность, оказанную въ доведеніи введенной ему части до хорошаго и примѣрного устройства»¹⁾.

Разрывъ съ Турцией, видимо, приближался; Порта готовилась къ войнѣ. Начали готовиться къ ней и наши войска. Уже въ концѣ 1827 года ихъ передвигали къ границамъ и держали въ полной готовности къ выступленію. Въ числѣ другихъ распоряженій предъ войною, Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ выдать офицерамъ не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованія на покупку верховыхъ лошадей и годовой—на подъемъ. Кромѣ того, оберъ-офицерамъ 2-ой арміи со дня сбора для выступленія за границу и во все время, пока будетъ продолжаться война, приказано было производить отъ казны по одному солдатскому пайку и по одной мясной порціи, опредѣливъ каждому въ день по фунту мяса во из-

¹⁾ Его посл. списокъ. Въ чёмъ именно выражалась его дѣятельность, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ дѣлъ полка того времени—неизвѣстно.

бѣжаніе затрудненій въ покупкѣ¹⁾). Послѣдовало также распоряженіе, чтобы при каждомъ полку слѣдовала одна параконная повозка съ бочкою спирта, другая уксуса и перца.

При открытии кампаніи полкъ приведенъ былъ въ число 4-хъ дѣйствующихъ эскадроновъ. Кадры эскадроновъ 3-го дивизиона, по 41 человѣку и 43 лошадей въ каждомъ, были направлены со всѣми вещами въ м. Ставище, гдѣ былъ также и запасный эскадронъ. Объявление войны (14 апрѣля 1828 г.) застало полкъ состоящимъ въ 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ Г.-Л. Рота, въ 4-ой уланской дивизіи Г.-М. Крейца, въ 1-ой бригадѣ Г.-М. Набеля, въ числѣ 765 человѣкъ всѣхъ чиновъ (3 штабъ, 24 оберъ, 64 унтеръ-офицеровъ, 16 музыкантовъ, 658 рядовыхъ) и 713 строевыхъ лошадей.

25 апрѣля войска отслужили молебень, прося у Бога дарованія побѣды нашему оружію въ предстоящей войнѣ съ турками, такъ часто битыми нами въ прежнихъ войнахъ времень Екатерины. Въ тотъ-же день Харьковскій полкъ, состоя въ передовомъ отрядѣ правой колонны Г.-Л. Крейца (1-я бригада 4-ой дивизіи, конно-артиллерійская рота № 28, 3 баталіона егерей, сотня казаковъ), переправился чрезъ Прутъ по мосту у м. Скуляны. Передовой отрядъ быстро направился вглубь плодоносныхъ равнинъ Молдавіи, разрушая всѣ расчеты непріятеля, а авангардъ его—одинъ эскадронъ Харьковцевъ, отправленный на разсвѣтъ, неожиданнымъ своимъ появлениемъ въ г. Яссахъ предупредилъ выѣздъ оттуда молдавскаго господаря²⁾. Жители города встрѣчали русскихъ съ восторгомъ, какъ своихъ избавителей. Крейцъ въ тотъ-же день занялъ Яссы; 26-го, оставивъ въ немъ баталіонъ егерей и сотню казаковъ, онъ направился далѣе и уже 30 апрѣля дневалъ съ отрядомъ въ г. Берлетѣ. Передовые разъезды, высланные въ м. Бужи, захватили въ тотъ день скрывавшихся тамъ 10 человѣкъ, высланныхъ непріятелемъ слѣдить за движениами нашихъ войскъ. Это было первое знакомство Харь-

¹⁾ Мос. арх. оп. 184, № 50.

²⁾ В. Уч. арх. II, № 2725. Журналъ 6-го пѣх. корпуса.

ковцевъ съ турками, которыхъ они, какъ непріятелей, не видѣли съ 1791 года. Слѣдя далѣе на югъ, Крейцъ 3-го мая достигъ г. Факшанъ, памятныхъ для Харьковскаго полка славнымъ боемъ и блестательной побѣдою, одержанной здѣсь великимъ Суворовомъ. 6-го мая отрядъ барона Крейца въ с. Гирбово-да-Векъ присоединился къ главнымъ силамъ корпуса, спѣшившаго для защиты Букаренита отъ угрожавшихъ ему турокъ. 8-го мая полки 1-ой бригады были отражены на лѣвый флангъ корпуса къ Слободзен, куда скоро прибыль и весь отрядъ Крейца, и расположились на кантоны-квартирахъ по обѣимъ берегамъ р. Яломинцы. Харьковскій полкъ сталь недалеко отъ Дуная въ с. Бетрениты, занявъ еще 6 маленькихъ сосѣднихъ деревень. Войска заняли Дунай цѣнью постовъ и охраняли отъ частыхъ покушений турокъ пробираться для рекогносцировокъ на лѣвую его сторону. Такъ, 13-го мая эскадронъ Харьковскаго полка съ 2-мя орудіями былъ двинутъ противъ партіи непріятеля, вышедшей на нашъ берегъ. Турки зажгли с. Кіепетри и начали было его грабить, но своевременное появленіе Харьковцевъ заставило ихъ поспѣшно сѣсть въ лодки и отплыть на другую сторону. Турки иногда повторяли свои попытки, но дѣлали это всегда малыми отрядами, и ихъ легко прогоняли. Узнавъ отъ разъездовъ, где переправляется непріятель, эскадроны полка спѣшили въ то мѣсто на помощь жителямъ, спасая ихъ отъ огня и меча. Иногда приходилось перестрѣливаться съ непріятелемъ и нести незначительныя потери. Такъ, 2-го іюня, во время перестрѣлки на аванпостахъ, былъ убитъ Харьковскаго полка одинъ унтер-офицеръ и одна строевая лошадь¹⁾. Все это время разбросанные по Дунаю эскадроны дѣйствовали отдельно—одни занимали аванпостную цѣнь, другіе были посланы въ разныя командировки—конвоирование жителей и др.

5-го іюля въ Гирсовѣ Харьковскій полкъ на транспортныхъ судахъ переправился чрезъ Дунай и былъ назначенъ

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

въ отрядъ г. Рота (двѣ бригады 16 пѣх. дивизіи, 1-я бригада 4 уланской дивизіи), коему было поручено обложить Силистрію¹⁾. Окончивъ переправу, отрядъ потянулся по правому берегу къ Черноводамъ, а оттуда къ крѣпости, которая часто уже видѣла русскихъ у стѣнъ своихъ, начиная съ Святослава. 9-го іюля отрядъ Рота подошелъ къ Силистріи. Харьковскій полкъ следовалъ недалеко отъ авангарда. Въ 6-ти верстахъ отъ крѣпости сильная конная партія турокъ встрѣтила авангардъ; онъ, уступая численности, отступилъ, завязавъ перестрѣлку. Когда-же подошли войска, турки были оттѣснены къ крѣпости, несмотря на страшное утомленіе солдатъ, совершившихъ только что 20-ти верстный переходъ при 40° жарѣ. Рота заняла позицію на разстояніи пушечного выстрѣла отъ Силистріи²⁾, обложивъ крѣпость, вслѣдствіе малочисленности, только со стороны Гирсова и Шумлы. Харьковскій полкъ расположился въ центрѣ позиціи у Г.-М. Сулемы. Дни 10 и 11-го прошли въ безпрестанныхъ стычкахъ—турки дѣлали частыя вылазки и атаковывали нашу позицію. Въ послѣдній день въ полку было ранено 3 нижнихъ чина. Во время атаки непріятеля на центръ позиціи (11-го) турки были отброшены съ большимъ урономъ лихой атакою Харьковцевъ. За отличія, оказанныя въ послѣдніе два дня, офицеры Харьковскаго полка Поручикъ Свињинъ и Корнетъ Сулима I получили слѣдующіе чины; Поручикъ Раутенбергъ, Марченко, тотъ-же Сулима I и Сулима II, Стрежевъ—ордена св. Анны 4-ой степени на сабли съ надписью «за храбрость». Отличился также Корнетъ Васильчиковъ—ему былъ прощенъ «штрафъ»: офицеръ этотъ былъ замѣшанъ въ декабрьскихъ беспорядкахъ. Въ полку, впрочемъ, былъ еще одинъ Поручикъ Свињинъ, за которымъ числился такой-же грѣхъ³⁾. Но эти офицеры имѣли несчастье свихнуться съ прямого пути служенія долгу, не бывъ еще членами безу-

¹⁾ Воен. Уч. арх. II, № 2725.

²⁾ Лукьяновичъ. Опис. Тур. войны II, 163—166.

³⁾ Рус. Стар. 1893 г., № 8. Зап. Мих. Данилевскаго, 382.

пречной Харьковской семьи: Корнетъ Васильчиковъ бытъ переведенъ въ полкъ въ 1828 году изъ Серпуховскаго уланскаго полка, а Поручикъ Свишнинъ въ 1825 изъ л.-г. Коннаго полка. Такихъ виновныхъ въ арміи тогда было не мало, и полевой полиція приказано было имѣть за ними особенное наблюдение¹⁾). Но увлеченные по молодости лѣтъ и введенныес въ печальное заблужденіе, офицеры эти, вполнѣ раскаявшіеся, примѣрною службою искупили свои вины.

Кромѣ схватокъ съ непріятелемъ, кавалеріи Рота приходилось постоянно держать разъѣзы и наблюдать дороги на Разградъ, Шумлу и Базарджикъ, откуда могла явиться помощь обложенной крѣпости, и держать охранительную цѣль, такъ какъ тылъ нашего отряда не былъ обеспеченъ. Гористая мѣстность, среди которой лежитъ Силистрія, и паллящий зной утомляли страшно людей и лошадей, и съ половины юля въ войскахъ начали свирѣпствовать сильныя лихорадки, обыкновенно переходившія въ горячки. Болѣзни эти были слѣдствиемъ рѣзкихъ переходовъ отъ страшной жары, стоящей днемъ, къ холоднымъ сырьимъ ночамъ, всегда таکъ гибельно действовавшихъ на непривыкшихъ къ тому жителей сѣвера.

13-го юля Г.-М. Бистромъ съ отрядомъ, въ который вошли и два эскадрона Харьковскаго полка подъ личнымъ начальствомъ Анрепа, былъ посланъ для наблюденія дороги изъ Силистріи въ Туркутай и Рущукъ. Отрядъ этотъ доходилъ до г. Туркутая; въ одной небольшой стычкѣ съ турками (15-го) были ранены три Харьковскихъ улана.

Блокада крѣпости продолжалась; турки дѣлали вылазки, но всегда съ успѣхомъ были отражаемы. Харьковцы то находились на позиціи, то ходили въ разные поиски. Въ одномъ изъ нихъ (31-го), при столкновеніи съ непріятелемъ, былъ раненъ нижній чинъ, а 1-го августа во время фуражировки убито было 2 рядовыхъ²⁾). Болѣе серьезное столкновеніе про-

изошло 16 августа, когда турки сдѣлали сильную вылазку изъ крѣпости. Харьковскій полкъ въ этотъ день былъ около крѣпости; въ центрѣ позиціи у Г.-Л. Сулемы находились его три эскадрона, на правомъ флангѣ у Г.-М. Нобеля—одинъ¹⁾). Послѣ восхода солнца турки пытались занять отбитыя у нихъ укрѣпленія, ихъ оттеснили обратно. Но на этомъ они не успокоились: часовъ въ 8 утра изъ крѣпости вышли конница и пѣхота числомъ около двухъ тысячъ, съ крикомъ бросились на нашихъ стрѣлковъ и оттеснили ихъ назадъ, занявъ часть покатости горы. Но въ это время 2 эскадрона Харьковскихъ и 2 Петербургскихъ уланъ, подъ личнымъ начальствомъ своихъ командировъ, стремительно понеслись въ атаку и дружнымъ ударомъ, причиняя большой уронъ непріятелю, заставили его отступить въ крѣпость, откуда сѣшило свѣжее подкрѣпленіе при 5 орудіяхъ. Это устроило силы турокъ и они подъ прикрытиемъ гремѣвшей съ крѣпостныхъ стѣнъ канонады, почувствовали себя сильными, снова перешли въ наступленіе и оттеснили отрядъ, занимавшій гору. Въ своемъ увлеченіи непріятель подошелъ на картечный выстрѣлъ къ самому нашему укрѣпленію. Огонь скоро охладилъ пыль турокъ, и они отступили. Полковники Анрепъ и Хомутовъ (командиръ Петербургскаго полка) понеслись²⁾ преслѣдоватъ непріятеля и гнали ихъ до самаго гласиса. Преслѣдованіе велось на столько энергично, что осажденные заперли мредъ бѣгущими ворота, опасаясь, чтобы русскіе на ихъ плечахъ не ворвались въ крѣпость.

Харьковцы въ этотъ день потеряли убитыми 1 трубача и 4 рядовыхъ, 9 строевыхъ и 2 офицерскихъ лошади; ранено было 5 рядовыхъ и нѣсколько лошадей, изъ коихъ пало вскорѣ 7³⁾). Кромѣ того, во время лихой атаки, былъ раненъ храбрый и пылкій Анрепъ двумя пулями: на вылетѣ въ лѣвую грудь и въ руку. Получивъ такія тяжелыя раны, Ан-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

репъ, къ великому сожалѣнію своихъ подчиненныхъ, его очень любившихъ, былъ отвезенъ на излеченіе въ букарецкій госпиталь, а полкъ временно принялъ Полковникъ Минтрезоровъ. Аирепъ въ награду своего мужества получилъ Высочайшее благоволеніе ¹⁾). Раненъ былъ 16 августа еще и Поручикъ Загорскій.

Послѣ понесенного пораженія турки успокоились, и въ теченіи двухъ недѣль около крѣпости ничего важнаго не произошло. Ротъ, пользуясь этимъ, посыпалъ отряды по дорогамъ для открытія непріятеля. 27 августа команда Харьковскихъ уланъ, подъ начальствомъ Корнета Васильчикова, возвращаясь изъ м. Аканаръ, куда она сопровождала волонтеровъ, подвергнулась нападенію турокъ. Въ происшедшемъ схваткѣ было убито 2 улана и раненъ Васильчиковъ ²⁾.

30 августа подъ Силистрію было новое столкновеніе съ турками, пришедшими изъ Шумлы въ числѣ 5 тысячъ съ боевыми припасами для осажденной крѣпости. Дѣло окончилось пораженіемъ непріятеля. Въ этотъ день въ командѣ Харьковскихъ уланъ, посланной для открытія шедшаго непріятеля, былъ убитъ младшій Вахмистръ Борисовъ и 3 рядовыхъ; на слѣдующій день раненъ былъ 1 нижній чинъ, убито 4 лошади, изъ раненыхъ пало 2.

Вся потеря за августъ равнялась: убито 13 человѣкъ и 15 лошадей, пало отъ изнуренія 40 лошадей. Но не эти потери ослабляли полкъ, а болѣзни: въ августѣ въ госпиталяхъ считалось 95 нижнихъ чиновъ; изъ нихъ ранено было только 7, больныхъ горячкою 19 и лихорадкою, переходящею по большей части въ горячку-же, 37; остальные 32 человѣка приходились на разныя другія болѣзни. Кромѣ того, при полку было еще больныхъ 4 офицера, 12 нижнихъ чиновъ—горячкою, 19 лихорадкою ³⁾; всѣхъ-же больныхъ въ августѣ было 130 человѣкъ, вслѣдствіе чего эскадроны сильно порѣбѣли.

¹⁾ Его форм. спис.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Ibidem.

3-го сентября, когда уходилъ обратно отрядъ турокъ въ Шумлу, произошло новое дѣло. Въ этотъ день особенно отличились два эскадрона полка, дѣйствуя въ разныхъ мѣстахъ. Во время боя, занявъ высоты, турки раздѣлились на двѣ конныя партіи; одна изъ нихъ понеслась на напѣ лѣвый флангъ. Эскадронъ Харьковцевъ посланный на подмогу флангу, послѣль во время и встрѣтилъ турецкую кавалерію стремительною атакою. Она была ведена настолько энергично, что турки, не смотря на превосходство въ силахъ, были омра-кнуты. Въ лихой этой схваткѣ былъ убитъ Вахмистръ Терентій Немиръ, 4 рядовыхъ и 9 лошадей. Когда этотъ эскадронъ отличался на лѣвомъ флангѣ, другой не менѣе успешно дѣйствовалъ противъ второй партіи турокъ, устремившейся къ с. Колопетри. И здѣсь Харьковцы первыми бросились «въ атаку съ отличнымъ успѣхомъ въ толпы въ три раза сильнѣйшія» ¹⁾. Кромѣ указанныхъ потерь, въ этотъ день еще прошло безъ вѣсти 2 и было ранено 6 уланъ и чѣсколько лошадей, но неизвѣстно только на долю какого эскадрона это пришлось.

Послѣ этого сраженія войска Рота вскорѣ были смыты корпусомъ Г.-Ад. кн. Щербатова. Харьковцы подъ Силистрію заработали 25 Знаковъ Отличія Военнаго Ордена; кресты эти были наградою за тѣ славныя атаки, которыми они себѣ отличили. Полкъ, продолжая состоять въ отрядѣ Рота, изъ подъ крѣпости, потерявъ на дорогѣ 11 лошадей, павшихъ отъ изнуренія, перешелъ къ Шумль. Особенно серьезныхъ столкновеній подъ стѣнами этой крѣпости не происходило, все сводилось къ небольшимъ стычкамъ, въ коихъ приходилось и нести чѣсколько потери. Блокада продолжалась съ 20-го сентября по 3 октября. Изъ подъ Шумлы русскіе перешли къ Варнѣ, турки слѣдовали за ними.

Въ теченіи сентября полкъ потерялъ убитыми и безъ вѣсти пропавшими 9 уланъ, 16 лошадей, пало ихъ отъ ранъ и

¹⁾ Воен. Учен. арх. II, № 2725.

усталости—17. Болѣзнь сравнительно съ августомъ усилилась значительно: только въ полку переболѣло 126 человѣкъ (ранено 20, горячкою 28, лихорадкою 49, другими болѣзнями 29), умерло изъ нихъ 4¹⁾). Число бывшихъ въ госпиталяхъ, надо полагать, тоже увеличившееся,—неизвѣстно. Между тѣмъ, наступила осень съ обычнаю для этой мѣстности ужасною погодой, причинившей войскамъ страшныя мученія. Въ холодное время господствующіе здѣсь вѣтры, срывая снѣгъ съ сосѣднихъ высокихъ горъ, на коихъ онъ ложится уже обыкновенно въ октябрѣ, заносятъ имъ всю страну и забиваютъ ущелья. Дороги, пролегающія по нимъ, и безъ того отвратительныя, дѣлаются тогда въ высшей степени труднопроходимы. Когда-же наступаетъ оттепель и идутъ осеніе дожди, снѣгъ обращается въ воду, заливающую горные проходы и всѣ низкія мѣста. Но стоитъ только подуть холодному, пронизывающему насквозь сѣверному вѣтру, дождь тотчасъ смыывается снѣгомъ, и ледяная кора покрываетъ склоны горъ, дороги, промокшую одежду человѣка, на долю котораго выпадаетъ несчастье путешествовать по этой не-привѣтливой мѣстности, а тѣмъ болѣе почевать на бивакѣ подъ открытымъ небомъ.

Изнуренные войска отступали отъ Шумлы, теряя недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ и сильно страдая отъ холода, часто промокшія до костей. Рѣдко приходилось гдѣ либо укрыться и согрѣться, такъ какъ селенія здѣсь попадаются нечасто. Даже не всегда удавалось разводить на бивакахъ костры—ихъ заливала ливня лившій дождь. Отступая при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, кавалерія несла большія потери въ лошадяхъ, привыкшихъ только къ нѣгѣ, крытымъ теплымъ манежамъ, откуда они, послѣѣзды, укутанныя попонами, переводились въ душныя конюшни. Эти несчастные друзья человѣка, коимъ онъ своей излишнею заботой оказалъ плохую услугу, гибли теперь, падая отъ

¹⁾ Мѣс. рап. под.

усталости, холода и подъ непосильною уже для нихъ юношескою. Когда-то жирныя до безобразія съ лоснящеюся шерстью, съ завитыми въ колечки гривами и хвостами лошади, обратившись теперь въ худыхъ, безобразныхъ, обросшихъ косматою шерстью одровъ, шатались буквально отъ вѣтра и падали въ полномъ изнеможеніи, чтобы болѣе уже не вставать. Уланы, липившіеся лошадей, не привыкшіе ходить пѣнкомъ, едва тащили ноги, изнемогая подъ тяжестью того, что прежде несли на себѣ ихъ кони.

Погода, бывшая до того очень дождливою и холодною, но еще болѣе или менѣе сносною, смѣнилась преждевременною и суровою зимою съ выругами, морозами и глубокими снѣгами. 22-го числа лившій все время сильный дождь вдрогъ пересталь, и вслѣдъ затѣмъ разразилась мятель такой силы, что старожилы, видавшіе, конечно, виды, не помнили еще такой. Цѣлые тучи снѣга, сорванныя вѣтромъ съ горъ, мгновенно засыпали всѣ окрестности бушующими, волнующимися, какъ море въ ураганѣ, снѣговыми покровомъ. Началась такая необыкновенно сильная стужа, длившаяся съ 23 по 26¹⁾ октября, что полярныя страны могли бы ею поквальиться. О силѣ мороза можно судить изъ того, что на Дунай появился ледь въ огромныхъ глыбахъ. Особенное страданіе приносилъ сильнѣйший острый и холодный вѣтеръ, пронизывавшій насквозь мокрыхъ, голодныхъ людей и лошадей, засыпая ихъ, дрожавшихъ на бивакахъ, снѣгомъ. 46 лошадей въ Харьковскомъ полку замерзли въ эти ужасные три днѣ²⁾). Всего-же ихъ въ октябрѣ полкъ потерялъ 83, изъ коихъ ни одна не была убита непріятелемъ. Въ борьбѣ съ ужасною погодою животные оказались слабѣе человѣка; но она не могла не отразиться на здоровье людей, и число больныхъ увеличивалось непомѣрно. Въ продолженіи мѣсяца при полку умерло только 4 человѣка, а больныхъ въ разныхъ госпиталяхъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

таляхъ показано въ мѣсячномъ рапортѣ 265 человѣкъ; кромѣ того, въ полку въ теченіи мѣсяца переболѣло еще 90 человѣкъ—(изъ нихъ выздоровѣло 38, отправлено въ госпиталя 48), процентъ-же смертности, несмотря на благопріятныя, казалось-бы, условія, былъ очень незначительный.

Война въ этомъ году, легкая съ турками, тяжелая съ природою, была окончена, и полкъ 29 октября былъ направлена на зимнія квартиры въ Валахію. Лишь чрезъ мѣсяцъ (30 ноября) дотащился онъ до с. Абелештонау, гдѣ и расположился. Походомъ онъ продолжалъ таять: во время преслѣдованія 6 и 9 отъ Варны до м. Монгали падо 20 лошадей, во время сильной стужи 16 и 17 ноября—14, а послѣ, на маршѣ еще 35¹). Въ декабрѣ въ полку на лицо было: штабъ 3, оберъ 21, унтеръ-офицеровъ 52, музыкантовъ 12, рядовыхъ 374, всѣхъ—462; при открытіи-же кампаніи въ полку ихъ было 765. Лошадей при выступлениі было 713, въ декабрѣ-же считалось ихъ 371; ятого, потерявъ въ сраженіи убитыми лишь 32, полкъ въ теченіи кампаніи этого года лишился 342 лошади! Болѣзни въ декабрѣ начали ослабывать; въ полку переболѣло людей 76; изъ нихъ умерло 8, выздоровѣло 53²).

Потери нашей арміи отъ болѣзней были громадны—до ста тысячъ! Изъ нихъ было убито въ сраженіяхъ не болѣе 15 тысячъ человѣкъ, прочие пали жертвою лихорадки, горячки, поноса. Всѣ госпиталя были переполнены, а кто туда попадалъ, въ большинствѣ случаевъ, уже назадъ не возвращался: солдатъ въ госпиталя отправили только умирать, а не лечить, пбо при необыкновенномъ переполненіи малочисленный медицинскій персоналъ и не въ силахъ былъ подать какую либо помощь. Въ Базарджикскомъ госпиталѣ было три тысячи больныхъ и два медика! Что они могли сдѣлать! Не только лечить, но и не успѣвали даже хоронить, такъ какъ присоеди-

нившаяся ко всемъ бѣдамъ восточная чума быстро очинила госпиталя. Въ нихъ въ октябрѣ считалось 42 тысячи, а къ 1 января 1829 года осталось только 36¹). Изъ Харьковскаго полка съ открытія кампаніи къ новому году выбыло 303 человѣка, изъ нихъ убито было въ сраженіи только 25—остальные были жертвами болѣзней. Сколько изъ нихъ умерло въ госпиталяхъ за все это время—неизвѣстно, но надежды на ихъ возвращеніе оттуда не было.

Арміи 6-ти мѣсячная эта кампанія стоила около 100 тысячъ человѣкъ, 16 тысячъ лошадей и 40 тысячъ воловъ! Къ этому нужно присоединить еще обозы, сожженные при отступлении, и конское снаряженіе, увезти съ собою которое, вслѣдствіе гибели фурштата, не было возможности. Это были такія серьезныя потери, какихъ Россія никогда не несла въ прежнихъ своихъ войнахъ съ Турциею.

Положеніе Харьковскаго полка, сравнительно съ другими кавалерійскими, еще было сносно—онъ сохранилъ хотя подобіе кавалерійскаго полка—въ декабрѣ въ немъ было 374 человѣка и 371 лошадь, хотя все это были истомленные и искалеченные одры. Полки-же, напр., 3-ей гусарской дивизіи вернулись за Дунай пѣшкомъ, потерявъ *всѣхъ* своихъ лошадей. Въ конно-егерскихъ полкахъ Дерптскомъ и Черниговскомъ при открытіи кампаніи было по 700 лошадей, а къ осени осталось лишь по 150, но такихъ, что рысью ходить ужъ не могли. И это потеряли полки, кои ни единаго разу, стоя подъ Шумлой, не были въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Даже командиръ бригады—Г.-М. Заборинскій—лишившись *всѣхъ* своихъ лошадей, шелъ пѣшкомъ отъ Шумлы до Валахіи²).

Собственно говоря, въ минувшій годъ кампаніи кавалерія никакихъ особыхъ трудовъ не несла, не дѣлала усиленныхъ переходовъ, чemu можно было бы приспать гибель лошадей. Въ прежнія войны на долю кавалеріи выпадало го-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

¹⁾ Воен. Сбор. 1858 г., 4. Энгельбаха—Воспом. о Тур. войнѣ.

²⁾ Рус. Стар. 1893 г., № 7, ст. 201.

раздо большие дѣятельности, но, тѣмъ не менѣе, такихъ потерь никогда не было. Правда, изъ полковъ въ иные годы (крымскіе походы) выбывали цѣлые сотни лошадей, благодаря сапу и заразительнымъ болѣзнямъ, но то было исключительно и понятное явленіе. Теперь-же лошадей погубили не болѣзни, а нѣга и манежъ.

Г л а в а XXI.

Пополненіе убыли.—Болѣзни продолжаются.—Начало военныхъ дѣйствій.—Походъ па выручку Рота.—Награды.—Кулечинская битва.—Снова подъ Силистрію.—Движеніе вглубь Балканскихъ горъ.—Переправа чрезъ р. Камчикъ.—Преслѣдованіе турокъ.—Дальнѣйшее движеніе.—Встрѣчи съ непріятелемъ.—Взятие Миссеври и др. городовъ.—Граженіе у г. Сливпо.—Награды.—Сдача Апдріацополя.—Экспедиція для усажденія турокъ.—Конецъ войны.—Потери.—Продолжительное пребываніе въ предѣлахъ Турціи.

Зимою и весною 1829 года русскіе спѣшили восполнѣозваться, чтобы укомплектовать значительно разстроеннную армію. До полнаго штатнаго числа полкъ Харьковскій къ началу военныхъ дѣйствій доведенъ не былъ, хотя въ мартѣ на его пополненіе и прибылъ 5-й резервный эскадронъ, кадры котораго были развернуты до полнаго числа рядовъ. Прибылъ по выздоровленіи и Полковникъ Аренпъ. Съ обычнымъ ему умѣніемъ и энергией онъ принялъ за работу и скоро привелъ все въ порядокъ. На бывшемъ смотрѣ Г.-Ад. фонъ-деръ-Панина Харьковскій полкъ былъ найденъ въ большомъ порядке; «за усердіе къ службѣ и дѣятельность, оказанныя при приведеніи полка въ должное устройство, въ какомъ найденъ онъ при осмотрѣ», Аренпъ снова удостоился получить Высочайшее благоволеніе, выраженное въ приказѣ отъ 28 июня 1828 года ¹⁾.

Военные дѣйствія открылись довольно поздно: Главнокомандующій Дибичъ, замѣнившій гр. Витгенштейна, ждалъ появленія подножнаго корма, не надѣясь на подвозъ фуражей и на возможность находить его въ опустошенной уже войною странѣ.

Болѣзни, свирѣпствовавшія въ прошломъ году, не прекращались, смертность-же даже увеличилась: въ теченіи первої

¹⁾ Его форм. списокъ.

четверти года при полку умерло 80 человѣкъ, въ госпиталяхъ 56. Полкъ, поэтому, хотя и пополненный, на лицо состоялъ въ неположенномъ числѣ рядовъ. Въ апрѣль перевѣло 111 человѣкъ, изъ коихъ выздоровѣло 32, а 64 были отправлены умирать въ госпиталя. Въ полку въ этотъ мѣсяцъ умерло 11 человѣкъ, въ госпиталяхъ 23. Потерь въ лошадяхъ въ первые 4 мѣсяца не было, ибо не было никакихъ трудовъ и лишній¹⁾.

Съ 27 апрѣля Харьковцы были уже за Дунаемъ и направлялись къ Силистріи. Въ первый-же день обложенія, 5 мая, было убито въ полку 5 лошадей. Изъ-подъ крѣпости полкъ ходилъ въ разные незначительные поиски, въ одномъ изъ нихъ было убито 2 лошади и пало отъ тяжелыхъ ранъ 6²⁾.

Между тѣмъ, Дибичу сдѣжалось известно, что великий визирь намѣревается напасть на корпусъ Рота, отдѣльно стоявшій около с. Проводъ, въ окрестностяхъ Эски-Арнаутъ-Лара. Поэтому Главнокомандующій, оставивъ г. Красовскаго продолжать осаду Силистріи, направился на выручку къ Роту, взявъ въ числѣ другихъ войскъ 4-ю уланскую дивизію и направивъ ее въ авангардъ. Такъ какъ успѣхъ предприятия зависѣлъ отъ неожиданного появленія нашихъ силъ въ тылу непріятеля, то войскамъ было приказано соблюдать величайшую осторожность и тишину. У Эски-Арнаутъ-Лара, готовясь къ скорой встрѣчи съ непріятелемъ, полки выстроились на равнинѣ и служили молебень. 29-го на высотахъ около г. Янибазара встрѣтили турокъ въ числѣ 1500 человѣкъ, высланныхъ изъ Шумлы. Произошло столкновеніе, турки были разбиты. Преслѣдуя одну небольшую партію непріятеля, отѣшившуюся во время боя и старавшуюся уйти, Харьковцы, прогнавъ довольно далеко, захватили 8 человѣкъ въ пленъ. Въ этотъ день было убито и пало отъ ранъ 10 лошадей. За дѣло это и за бывшую послѣ перенправу чрезъ р. Бу-

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Ibidem.

ланлыкъ Андреиѣ получили золотую саблю съ надписью «за храбрость»; а за отвѣтѣ, выказанное во время схватки около Янибазара съ Анатолійскою кавалеріею, 10 нижнихъ чиновъ были награждены георгіевскими крестами.

30 мая произошла Кулевчинская битва, кончившаяся поражениемъ турокъ и имѣвшая огромные результаты. Д. В. Даудовъ (известный партизанъ 1812 года), дѣлая далеко не лестную оценку способностей Дибича, какъ полководца, говорить, что сраженіе подъ Кулевчею было выиграно лишь благодаря паническому страху, распространившемуся между турками вслѣдствіе взрыва нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ, такъ что Дибичъ въ успѣхѣ资料 оружія былъ иевиненъ¹⁾. 30-го мая полки Харьковскій и Петербургскій съ Г.-Л. Крейцемъ были расположены въ резервѣ со стороны Шумлы; на ихъ обязанности лежало удерживать гарнизонъ ея²⁾ отъ попытокъ прийти на помощь визирю. Поэтому Харьковскому полку и не пришлося принять участіе въ сраженіи подъ Кулевчею.

Послѣ того Харьковцы съ 11 июня находились снова при блокадѣ Силистріи до ея сдачи нашимъ войскамъ (18 июня).

Дибичъ, рѣшивъ перенести военныя дѣйствія за Балканы, направилъ войска Рота къ нижнему течению р. Камчика, впадающему въ Черное море. Рѣка эта съ притокомъ Дели-Камчикъ, заслоняя собою горные проходы, составляетъ ключъ Балканъ и, хотя не широкая, но своею быстротою, глубиною и отсутствиемъ удобныхъ бродовъ, является серьезнымъ препятствіемъ для наступленія арміи. Къ тому-же, турки въ нижнемъ ея течении поставили 18 тысячъ войска и построили укрѣпленія по высокимъ ея берегамъ. Харьковскій полкъ съ 4-ю уланской дивизіею присоединился къ передовому корпусу Рота въ м. Девно и съ 4 июля вступили въ Балканы, сѣдя къ Камчику по берегу моря. Лившіе предъ этимъ сильные дожди испортили всѣ дороги, что очень за-

¹⁾ Сочиненіе Лукьяновича, II, ст. 247.

²⁾ Въ Уч. арх. II, № 2356, 2892.

медленно движение. Къ Камчику вела узкая лѣсистая дорога; на ней было устроено укрѣпление. Ротъ, не желая подвергать войска свои напраснымъ потерямъ при проходѣ подъ выстрелами труднаго дефиле, рѣшилъ обойти его лѣсами. Корпусъ направился къ д. Дюльгерюрду (въ 7-ми верстахъ выше, гдѣ были устроены три моста). 7-го июля съ разсвѣтомъ началась переправа. Передовыя наши войска опрокинули непріятеля, явившагося препятствовать переправѣ. Съ ея окончанiemъ Ротъ двинулъ густымъ лѣсомъ къ д. Дервишъ-Джевану (почти противъ устья Камчика, недалеко отъ берега моря), прокладывая съ чрезвычайнымъ трудомъ дорогу по болотистому грунту, идя мѣстами по грудь въ водѣ. Передъ полуднемъ русскіе приблизились къ Дервишъ-Джевану; имъ на встрѣчу изъ укрѣпленного лагеря вышла турецкая кавалерія. Шедшіе въ авангардѣ Харьковцы и казаки Ежева полка стремительно атаковали непріятеля, опрокинулъ его и гнали подъ самое укрѣпление, съ котораго открыть быль сильный огонь. Съ нашей стороны на него почти не отвѣчали, а пѣхота бѣглымъ шагомъ пошла на приступъ. Харьковцы и Курляндцы, частью опережая пѣхоту, частью обходя лагерь съ тыла, овладѣли имъ вмѣстѣ съ пею, Смоленскій и Петербургскій полки поддерживали атаку. Покончивъ съ лагеремъ, уланы бросились преслѣдоватъ спѣшишо отступавшаго непріятеля, гнали его до с. Асиро, отбивъ 10 орудій, 6 знаменъ, 200 пѣхѣнныхъ и 5 зарядныхъ ящиковъ¹⁾. Въ этотъ славный для Харьковцевъ день полкъ дѣйствовалъ отлично, своими атаками и энергичнымъ преслѣдованіемъ много способствовалъ одержанию полной победы, открывшей путь въ Балканы, потерявъ только убитыми одного улана, безъ вѣсти пропавшими двухъ, убитыми 19 лошадей; ранено было 4 человека и нѣсколько лошадей²⁾. 8 нижнихъ чиновъ за схватку при Дервишъ-Джеванѣ получили георгіевские кресты.

¹⁾ Ibidem II, № 2873.

²⁾ № 8c. рап. пол.

Отдохнувъ некоторое время, Ротъ двинулъся далѣе, слѣдя по дорогѣ, параллельной берегу моря. Съ этого мѣста начались настоящія горы. Верстъ на 40 тянутся онѣ, оканчиваясь у с. Келелеръ. Всюду возвышались крутые утесы, покрытые вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ. Видъ этихъ каменистыхъ глыбъ съ долинами, окаймленными ими—прекрасенъ; прелестную картину эту довершаетъ видъ на Черное море, порою открывающейся между скалами. Горные проходы поросли колючимъ кустарникомъ и часто загромождены камнями. Турки легко могли-бы не пронестить насъ чрезъ эти сплошныя дефиле, но, устрашеніе отвагою, съ которой русскіе устремились на крутизы, обратились въ бѣгство.

Продолжая слѣдовать далѣе на югъ по очень труднымъ дорогамъ, скороѣ тропинкамъ, войска встрѣтили непріятеля около с. Монастырь-Кюй и прогнали его, но за р. Инжикой снова наткнулись на 7-ми тысячный отрядъ. Шедшіе впереди уланы и казаки прогнали его, турки почему-то послѣ самаго незначительного сопротивленія бѣжали къ кр. Миссевріи. (Въ этотъ день было убито въ полку и пало отъ ранъ 12 лошадей).

Въ ногопю за непріятелями Ротъ отрядилъ три полка уланъ подъ начальствомъ Г.-М. Нобеля. 11-го Июля былъ взятъ ими укрѣпленный лагерь между кр. Миссеврію (на Черномъ морѣ) и с. Равдою, куда прибѣжалъ Абдурахманъ-паша. Въ непродолжительномъ дѣлѣ взяты были Харьковскимъ полкомъ 2 орудія¹⁾; отличившіеся при этомъ 6 уланъ были награждены послѣ георгіевскими крестами. Крѣпость сдалась. Въ тотъ же день отрядъ Нобеля занялъ г. Ахіоло. Отсюда на слѣдующій день передовой отрядъ въ составѣ Харьковскихъ уланъ и 2-хъ орудій предъ разсвѣтомъ двинулъся къ Бургасу, лежащему на берегу прелестнаго Фаросскаго залива (въ тотъ же день главныя силы двинулись къ г. Айдосу). На встрѣчу Харьковцамъ изъ города вышелъ гарнизонъ съ

¹⁾ Лукьяновичъ, ч. IV.

2-мя орудиями. Андреевъ лихо повелъ въ атаку своихъ уланъ, легко опрокинулъ турокъ и завладѣлъ ихъ орудиями. На плечахъ спѣшно ретировавшагося непріятеля Харьковцы ворвались въ городъ¹⁾). Турки бѣжали и оттуда, по ихъ энергично продолжали гнать. Прибывшіе уже постѣ того Петербургскій полкъ и казаки Бакланова поддержали преслѣдованіе. У непріятеля было отбито еще 11 орудій, и взято въ пленъ 150 человѣкъ. Къ вечеру прибылъ Нобель съ остальнымъ отрядомъ. Въ день этотъ, честь котораго исключительно принадлежитъ Харьковцамъ, въ полку было убито только 5 лошадей.

13 июля выступивъ изъ Бургаса, Нобель въ с. Румелій-Кюѣ присоединился къ войскамъ 7-го корпуса Г. Ридигера и, двигаясь вмѣсть съ ими, прибылъ на разсвѣтъ слѣдующаго дня къ Айтосу. Въ пропизнедшемъ въ тотъ-же день сраженіи уланы Нобеля отличались: они доказали, «что европейская кавалерія можетъ съ успѣхомъ сражаться съ турками и въ горахъ»²⁾.

Такимъ образомъ, русскіе перешли Балканы, считавшіеся дотолѣ неодолимыми, они перешагнули этотъ грозный исполнинъ, такъ долго защищавшій своею каменою грудью гиблѣвшихся за нимъ азіатскихъ прішельцевъ.

Дальнѣйший путь къ Андрианополю преграждалъ корпусъ турецкихъ войскъ Сераскиръ-паші; съ нимъ предстояло сразиться. По отданной диспозиціи Харьковскій полкъ (въ немъ было тогда 457 человѣкъ), дивизіонъ Петербургскихъ уланъ съ 2-мя орудіями были присоединены къ 7-му корпусу. 30-го, составляя авангардъ войскъ Ридигера, они находились впереди д. Драгоданово, верстахъ въ 20 отъ г. Сливно, расположеннаго у подножья горъ. Въ ночь на 31-е июля 7-ой корпусъ скрытно приблизился на 8 верстъ къ городу. Кавалерія Ридигера въ полуэскадронныхъ колоннахъ продолжала движеніе. Не доходя до Сливно двухъ верстъ, сады и виноградники

¹⁾ Воен. Уч. арх. II, № 2873.

²⁾ Лукьяновичъ, IV, ст. 30.

преградили путь; по этому кавалерія, принявъ вѣво, пошла чрезъ поле къ дорогѣ на Ямболъ, гдѣ стояла кавалерія и нехотя турокъ. Впереди развернутымъ фронтомъшли Харьковцы¹⁾. Все сраженіе около Сливно продолжалось не болѣе 3 часовъ, окончилось его занятіемъ и полнымъ бѣгствомъ турокъ. Въ сраженіи этомъ Харьковскій полкъ потерялъ убитыми 12 лошадей. За храбрость и мужество, оказанныя полкомъ, Андреевъ награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія 4-ой степени, Подполковникъ Дацъ—золотою саблею съ надписью «за храбрость», а Маіоръ Глуховскій и Ротмистръ Золотаревъ II—орденами Св. Владимира 4 степени. 4 улана получили георгіевские кресты.

Путь къ Андрианополю былъ очищенъ, куда Дибичъ и двинулся сформированнымъ маршемъ. (Харьковскій полкъ присоединился снова къ 6-му корпусу). Походъ былъ очень гостинный, благодаря странному зною, накалившему каменистую почву. Положеніе Андрианополя, впервые увидавшаго подъ стѣнами своими русскихъ, способствовало къ упорной оборонѣ. Всѣ ожидали долгой осады и новыхъ битвъ. Готовясь действовать оружіемъ, Дибичъ потребовалъ сдачи города. 14 часовъ давалъ онъ только на размышленіе. Для большаго же убѣжденія съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня (8 августа) армія наша, вполнѣ готовая къ бою, двинулась къ городу. Назначенные 14 часовъ еще не истекли, и Дибичъ ждалъ-бы, но жители вышли изъ города на встречу нашимъ войскамъ, привѣтствуя ихъ, а турецкіе солдаты, бросая орудіе, очищали свой лагерь. И огромнѣйший Андрианополь, вторая столица Турціи, былъ занятъ безъ боя.

Успѣхи русскаго оружія на всѣхъ театрахъ войны впечатлительно подѣствовали на Блистательную Порту. Начались переговоры, и 2 сентября былъ подписанъ Андрианопольскій миръ.

Но еще до мира, 22 августа, Харьковскій полкъ участвовалъ въ особыхъ экспедиціяхъ для усмирѣнія возставшихъ

¹⁾ Воен. Уч. арх. II, № 2873.

турокъ. Два эскадрона ходили въ Хирменли (на р. Маринѣ), а другіе два въ г. Ізунъ-Кенри (на р. Эгинѣ). По усмиреніи бунта, въ послѣдніхъ числахъ августа, весь полкъ направлень былъ къ г. Визѣ (въ 25 верстахъ отъ берега моря), гдѣ содержать посты по 15 октября на демаркаціонной линіи, а послѣ въ м. Бушарѣ на вновь назначенной линіи. Простоявъ здѣсь по 3 ноября, полкъ направился на зимнія квартиры въ с. Базарджикъ. За отличные подвиги, не разъ въ продолженіи этой войны совершенные Харьковцами на славу русского оружія, первымъ двумъ дивизіонамъ полка пожалованы были на шапки знакъ съ надписью «за отличіе». Почти всѣ офицеры получили разныя награды, а 63 улана украшены были знаками Отличія Военнаго Ордена.

Потери полка во второй годь кампаніи (убито и безъ вѣсти пропало 3 нижнихъ чина, убито и ранено отъ тяжелыхъ ранъ 56 лошадей) были ничтожны сравнительно съ огромнымъ числомъ умершихъ и въ этомъ году отъ болѣзни—лихорадки, горячки и чумы, свирѣпствовавшихъ въ Бессарабіи и турецкихъ областяхъ, занятыхъ войсками.

Нѣть сомнѣнія, что чума есть одно изъ величайшихъ бѣдствій, которыя только постигаютъ человѣчество. Но не менѣе достовѣрно и то, что отъ этой болѣзни, передающейся только прикосновеніемъ лишь къ трупамъ или вещамъ зараженныхъ, спасти себя легче, чѣмъ отъ другихъ эпидемическихъ, распространяющихся чрезъ воздухъ, или свойственныхъ какой либо мѣстности¹⁾.

Въ продолженіи года болѣзни похитили изъ рядовъ Харьковскаго полка 242 человѣкъ, изъ коихъ 117 умерло въ полку, а 125 въ различныхъ госпиталяхъ. Болѣзни свирѣпствовали весь годь, порою усиливаясь, порою утихая. По отношенію къ Харьковскому полку, апрѣль, май и юнь были мѣсяцами самой незначительной смертности, при полку умирало только по одному человѣку. Августъ-же по числу боль-

¹⁾ Воен. Уч. арх. II, № 2892.

ныхъ былъ самый ужасный мѣсяцъ—въ теченіи его переболѣло 190 человѣкъ, изъ коихъ выздоровѣло 105, а 83 отправлено въ госпиталь¹⁾. Въ этомъ-же мѣсяцѣ, благодаря необыкновенной жарѣ, пало отъ изнуренія и 46 лошадей. Вся же потеря за весь годъ равняется 123 лошадямъ; убыль этого года, значитъ, была значительно менѣе прошлогодней.

Въ августѣ на пополненіе полка прибылъ изъ Россіи эскадронъ, но это невполнѣ пополнило его, и къ 1-му января 1830 года онъ былъ далеко не въ комплектѣ.

Въ предѣлахъ Турции Харьковскій полкъ находился долго—по 16 апреля 1830 года онъ простоялъ въ восточной Румелии, отбылъ лагерный сборъ при с. Оглы, потомъ перешелъ въ г. Каварну (на берегу моря), гдѣ при с. Шавли былъ расположены. Выступивъ 21 августа на зимнія квартиры и переправясь чрезъ Дунай лишь только 21 сентября, полкъ 11 октября прибылъ въ Яссы и расположился въ с. Гикентъ.

Зимою отъ полка были командированы 2 офицера, 3 вахмистра и 16 рядовыхъ въ Валахію въ распоряженіи Г.-Ад. Киселева для обученія земскихъ войскъ²⁾.

Полковникъ Аиренъ не командовалъ уже въ то время полкомъ—онъ былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ состоять по особымъ порученіямъ при Дибичѣ, у которого когда-то былъ адъютантомъ. Состоя при штабѣ, Аиренъ былъ произведенъ въ чинъ генераль-маиора. Полкомъ вначалѣ командовалъ Подполковникъ Дицъ, а послѣ его смерти (отъ холеры)—Подполковникъ Беклемишевъ.

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Ibidem.

жніє заготовить деньги для прохода русскихъ войскъ чрезъ Царство, коихъ предполагали двинуть съ польскими для подавленія восстанія въ Бельгії. Началась польско-руssкая война; въ ней поляки проявили много храбрости, стойкости и имѣли виачалъ иѣкоторый успѣхъ, такъ какъ восстание застало нашу армію върасплохъ. Это вселило надежду въ сердца, раздуло пламя и въ другихъ, кромѣ царства, мѣстахъ, въ восстанія начали вспыхивать въ Литвѣ, на Волынѣ и въ Подолії. Въ послѣдней между р.р. Днѣстромъ и Бугомъ начало подниматься высшее дворянство, мелкая шляхта и духовенство, всегда такъ любящее вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Харьковский полкъ (въ 5-ой уланской дивизіи, въ составѣ 4 эскадроновъ) переправился чрезъ р. Прутъ и, выдержавъ карантинъ въ м. Старыя Скуляны (съ 22 марта по 7 апрѣля), двинулся форсированнымъ маршемъ, въ числѣ дрѹгихъ войскъ корпуса Рота, къ г. Каменецкъ-Подольскому, чтобы преградить инсургентамъ путь на Волынь, гдѣ дѣйствовалъ Дверницкій, а оттуда въ Царство.

Главными агитаторами восстания на Подолії были три брата Сабанскіе; ихъ имѣніе Пентковка (недалеко отъ г. Ольгона) — сборнымъ пунктомъ всѣхъ легкомысленныхъ и горячихъ головъ того края¹⁾. Хотя время и не вполнѣ благопріятствовало для начала открытаго восстанія, но дольше скрывать его подготовленіе было нельзя — русскимъ властямъ извѣстно уже было все. Поэтому Сабанскіе собрали 15 апрѣля въ своеимъ имѣніи банду, числомъ въ 250 человѣкъ. Въ ночь на 19-е число они выслали шайку; она произвела нападеніе и разграбила станцію Жабокричку. Повстанцы захватили двѣ письменныя почты; почтосодержателя, ямщиковъ и лошадей увезли съ собою въ Пентковку. Этимъ эпизодомъ и началось открытое восстаніе²⁾.

¹⁾ В. Уч. арх. II, № 3147. «Краткое описание дѣйствій войскъ въ 1-ой арміи противъ мятежниковъ».

²⁾ Ibidem.

Глава XXII.

Восстание въ Польшѣ 1830 года.—Движеніе войскъ Рота.—Агитаторы восстанія въ Подолії и начало его.—Бауда Сабанскіхъ.—«Главнокомандующій дѣйствующихъ на югѣ польскихъ войскъ».—Проведеніе повстанцевъ.—Форсированный маршъ Рота.—Движеніе къ Дашеву.—Сраженіе.—Влестящія атаки Харьковцевъ.—Храбрость поляковъ.—Потери, награды.—Нападеніе на г. Летичевъ.—Усмиреніе восстанія въ Подолії.—Преслѣдованіе кѣрусовъ Ромарино и Рожицкаго.—Обратный походъ въ Россію.

Созданіе Наполеономъ изъ отнятыхъ у Пруссіи земель Герцогство Варшавское было присоединено къ Россіи по окончаніи войны за освобожденіе Европы подъ именемъ Царства Польскаго. Великодушный Императоръ Александръ I предалъ забвению вторженіе поляковъ съ оружіемъ въ рукахъ въ Россію во главѣ Великой Арміи, и присоединенное Царство сохраняло даже тѣнь политической самостоятельности. У него была конституція, свой сенатъ, палата депутатовъ, государственный совѣтъ изъ своихъ же министровъ, а, главное, была своя армія (30 тысячъ). Командовавший ею Цесаревичъ Константина Павловичъ довелъ ее до такого совершенства, что наша армія того времени, надо сознаться, далеко уступала польской. Но, несмотря на все это, поляки не могли забыть прежняго виѣннаго блеска и могущества своего отечества и не переставали мечтать о восстановленіи Польши въ былыхъ предѣлахъ, хотя Царство въ короткое время послѣ присоединенія къ Россіи достигло такого внутренняго благосостоянія, какого въ королевствѣ никогда и не было. Іюльская революція во Франціи распалила политическія страсти поляковъ, и они (17 ноября 1830 года) подняли вооруженное восстание. Предлогомъ къ тому послужило пове-